

ГАБДУЛЛА ТУКАЙ – ВЫСОКОЧТИМЫЙ ПОЭТ НА СЛУЖБЕ ТАТАРСКОЙ НАЦИИ И СОВЕТСКОГО СОЦИАЛИЗМА

Михаэль Фридерих, доктор

*1.2.1. Тукай-гуманист
(1913 – начало 1920-х гг.)*

Габдулла Тукай скончался 2 апреля 1913 г. Непосредственно после его смерти появилось не только большое количество статей в татарской прессе, но и воспоминания и научные исследования, которые были посвящены скончавшемуся поэту и его творчеству, с попытками определить его место в жизни татар и в татарской литературе. Этой оживленной и исключительно противоречивой дискуссии, однако, было дано не слишком много времени. Причиной являлись политические события, происходившие в годы после смерти Тукая, о которых я хотел бы коротко упомянуть, прежде чем перейти непосредственно к дискуссиям о творчестве и личности Габдуллы Тукая.

В 1914 г. началась Первая мировая война. Она затронула и отяготила не только значительную часть татарских интеллектуалов и поэтов, которые были вынуждены отправиться на фронт как солдаты²⁹. Весьма объемная корреспонденция в татарской прессе поставила ее в центр внимания всех татар. Ухудшившееся в результате войны экономическое положение населения³⁰ не давало благоприятной почвы для литературы. Развитие остановилось³¹, уже опубликованные произведения лежали нераспроданными в книжных магазинах, потому что их приобретение означало довольно заметную финансовую нагрузку³². Нехватка бумаги, наблюдавшаяся по всей Российской империи с середины 1915 г., заметно осложняла издание татарских

газет, журналов и книг³³. Февральская революция 1917 г. принесла и татарам короткий период гражданского самоуправления, что довольно скоро было сметено Октябрьской революцией. В случае с татарской культурой и литературой нельзя полностью согласиться с советским представлением, будто Октябрьская революция означала настоящий переворот или слом эпох. Некоторые либеральные, с налетом левизны, сатирические, а также буржуазные и даже религиозно ориентированные журналы («Аң», «Ялт-Йолт», «Шура», «Сөембикә»³⁴, «Дин вә мәгыйшәт», «Әд-дин вәл-әдәб») и газеты («Кояш», «Вакыт», «Тормыш») продолжали выходить еще месяцы после Октябрьской революции. «Декрет о печати» от 27 октября 1917 г., которым советское правительство предписывало закрытие всех «буржуазных» газет и журналов, для татарской прессы фактически не имел силы до середины 1918 г.³⁵ И только после введения государственной монополии на бумагу 27 мая 1918 г. советскому правительству удалось установить контроль над прессой и издательствами³⁶.

Воздействие, которое оказали Октябрьская революция и разразившаяся сразу после нее гражданская война на все стороны татарской жизни (политика, экономика, культура и литература), оказалось гораздо более серьезным, если сравнивать его с влиянием первой мировой войны. Галимджан Нигмати следующим образом охарактеризовал годы с 1917 по 1920-й: «Лозунг такого времени – разрушение старого и сохранение революции любой ценой, даже

принес в жертву самую последнюю человеческую жизнь»³⁷. Разрушение было основательным: после Октябрьской революции, в годы гражданской войны, а затем и во время голода 1920–1921 гг. почти не выходили литературные книги на татарском языке³⁸. Если в 1911 г. было опубликовано 375 татарских книг общим тиражом 2,2 миллиона экземпляров³⁹, то в 1920 г. вышло только 16 книг на татарском языке⁴⁰.

Но литературная и, прежде всего, публицистическая активность не затухла совсем. 18 (31) января 1918 г. сначала в Петрограде, затем в Москве, начала выходить первая после революции татарская газета. Ее название, как и у других последовавших изданий, звучало, как программа, – «Чулпан». Затем начали, например, печататься такие издания, как «Эш», «Эшче», «Безнең юл»⁴¹, «Тан», «Ирек». Они выходили в таких городах, как Москва, Казань, Уфа, Оренбург, Саратов, Симбирск, Астрахань и Пермь. Кроме того, во время гражданской войны выходило немалое количество татарских газет на восточном фронте⁴². Во всех этих газетах публиковались и литературные произведения, в первую очередь стихи. Абсолютное большинство их авторов были очень молоды и преданы делу социализма. Содержание этих произведений было посвящено борьбе против старого порядка, против белых, за новое, революционное, правительство. Эта эпоха в татарской поэзии поэтому вполне заслуживает определения, под которым она вошла в историю литературы – «солдатская поэзия»⁴³. Правда, уже в марте 1919 г. Галимджан Ибрагимов заявил, что поддержка многими татарскими интеллектуалами дела революции вызвана не их восторженным отношением к делу революции, а более всего их верой в то, что большевики настроены антирусски, и целью таких людей была борьба против русского господства и русской империи⁴⁴. Такое (недо)понимание революции привело многих татарских интеллектуалов и поэтов к тому, чтобы требовать «наци-

ональной независимости» (милли мохтарият) – точка зрения, которая уже в 1918–1919 гг., но особенно с середины 1920-х гг., официально признавалась националистической и подвергалась критике. Хотя позднейшее советское представление не уставало подчеркивать, что революция и гражданская война разделили писателей на два противоположных лагеря, имеют место и некоторые примеры того, что поэты меняли свой лагерь. Самым известным среди них, конечно, является Шаихзада Бабич (1895–1919), который в настоящее время определяется как башкирский поэт, один из самых одаренных поэтов своего времени. Вначале он выступил на стороне революции, но в конце 1917 г. поддержал башкирского националиста Заки Валиди (Тогана). В начале 1919 г. он вновь перешел к большевикам и работал в отделе печати в Башкирском революционном комитете (Башревком). 28 марта 1919 г. он был убит «врагами революции»⁴⁵.

Число поэтов, которые выступили со своими стихами на страницах татарских советских газет, впечатляет. Правда, при издании и распространении газет возникли экономические проблемы. Кроме того, резонанс, который они находили в населении, был далек от желаемого, что отметил в октябре 1920 г. Галимджан Ибрагимов и объяснил это следующим образом: «В поэзии, литературе, на сцене появилось очень много новых сил, которые пробуждают наши надежды. Но если они не достигают той славы, что была прежде – причина этого в том, что так сильно кипят международные события. И внимание всех направлено на политическую сторону». Если развитие и далее пойдет таким путем, то имеется опасность, что «дело нашей печати и литературы остановится на какой-то мертвой точке»⁴⁶. Для того, чтобы облегчить распространение газет, временами они даже раздавались бесплатно, большей частью отдельным профессиональным группам, например, учителям, в которых видели рас-

пространителей знания среди частично неграмотного сельского населения⁴⁷.

Литературная жизнь, которая главным предметом имела не только революцию и гражданскую войну, в Татарстане началась примерно с весны 1922 г., поначалу еще очень нерешительно. Два события определили это новое начало. В декабре 1921 г. в Казани было открыто Государственное книжное издательство (Татарстан дәүләт китап нәшрияты). Тем самым правительство Татарстана окончательно взяло в свои руки публикации и издательское дело⁴⁸. Затем, в мае 1922 г., два года спустя после Декрета от 27 мая 1920 г. об образовании Татарской Автономной Советской Социалистической Республики, вышел первый номер «Безнең юл» – ежемесячного журнала по литературе, искусству, публицистике и критике. Вначале он появился в качестве органа Центрального исполнительного комитета и Совета народных комиссаров Татарии, но позднее был подчинен Дому татарской культуры⁴⁹. Довольно трудно установить, то ли интерес у населения оказался низким, или же экономическое положение было слишком плохим, потому что мало нашлось желающих платить деньги за литературный журнал – первые номера журнала, который выходил поначалу тиражом в 1000, а позднее – в 1500 экземпляров, большей частью были розданы бесплатно⁵⁰. С выходом «Безнең юл» для татарских интеллектуалов, поэтов, писателей, деятелей культуры впервые после Октябрьской революции вновь появилась возможность не только выступать перед населением с боевыми стихами, прокламациями и декретами, но и обмениваться мнениями. В новых условиях, конечно, больше не было возможности выступать с позиций «классового врага». И наблюдение Галимджана Ибрагимова, сделанное еще в середине 1917 г. о том, что внутри одной нации можно выделить два антагонистических в политическом и экономическом отношениях класса, которые, «однако»,

в таких национальных и культурных вопросах, как школа, учеба, обучение, язык, литература, театр, религия, «могут идти вместе и работать рука об руку»⁵¹, после 1920 г. было отвергнуто и осуждено как буржуазно-[националистическое]. И все же спектр мнений в татарских публикациях 1920-х гг. – газетах, журналах, брошюрах и книгах – был таким широким, каким он не был впоследствии за все время до распада Советского Союза. И причина тому была политическая: до 1922 г. открытые враги Советской власти (за исключением басмачей в Средней Азии) были либо устранены, либо эмигрировали – революция успешно защитила себя. И теперь было необходимо определить лицо нового государства, после огромного числа жертв, понесенных со времени Первой мировой войны, его нужно было наполнить новой жизнью. Дискуссии, которые велись теперь, происходили в социалистических рамках – и они велись для того, чтобы четче определить эти рамки.

После начала Первой мировой войны изучение Габдуллы Тукая со стороны татарских писателей и критиков практически сошло на нет. Только в 1918 г., к пятой годовщине со дня его смерти, в различных татарских журналах («Шәрәкь кызы», «Шимал ягы», «Укытучы») появились статьи о Тукае. Проводились ли, кроме Москвы и Казани, памятные собрания в других городах – мне неизвестно⁵².

Советское татарское исследование Тукая берет начало с 1920-х гг. Но уже за несколько лет до Октябрьской революции многие из критиков и интеллектуалов, писавших о Тукае, ставили в центр своего внимания не литературоведческие аспекты, а интерпретацию мировоззрения Тукая. Как они оценивались с 1913 г. до начала 1920-х гг., я хотел бы представить ниже.

Подавляющее большинство критиков и литераторов, которые высказывали свое мнение между 1913 г. и началом 1920-х гг., сходились в том, что в основе творчества Тукая нет ясно и

четко обрисованного мировоззрения, что Тукай был «человеком сердца и чувства» (калеб вә хиссият кешесе)⁵³. В 1913 г. Джамалетдин Валиди констатировал, что есть немалое количество людей, которые подчиняют свое мышление и действия ясной системе, четкой линии поведения (мәсләк сызыгы), и подчеркивал: «У Тукая же такой системы, такого принципа не было. Что бы он ни писал за все пять-шесть лет своего литературного творчества, он писал на основе своих взволнованных чувств, и до того как он сошел в могилу, он оставался верным своей душе. И поэтому в том, что он написал, много нелогичности, противоречий, несоответствий, и критик может увидеть здесь много слабостей, несамостоятельности и легкомыслия. И в самом деле, мы вынуждены рассматривать Тукаева не как «голову», а как «сердце»⁵⁴. Тукай будто был «солнцем, который только что прилетел в сад и безостановочно перескакивает с ветки на ветку, и поет то перед одним цветком, то перед другим»⁵⁵. Такая «многосторонность» Тукая была общепризнанна в первые же годы после его смерти. Также не подвергалось сомнению, что Тукай в своем творчестве всегда выступал против моральной и общественной низости (әхлакый, ижтимагый түбәнлекләр), неравенства (тигезсезлекләр), несправедливости (хаксызлыклар) и всегда пел песню простого народа»⁵⁶.

Хотя различные критики в этом анализе соглашались с Тукаем, заключения, которые они делали, и оценки, которые с этим связывались, – были очень различными. Имелись, грубо говоря, две группы таких критиков. Для первой, составлявшей большинство, важнейшим представителем которой был Джамалетдин Валиди, многосторонность и близость к народу Тукая доказывали его гуманизм (инсаниятчеклек) и любовь к людям (хәбе инсаният), что и было основой его большой популярности в «народе»⁵⁷. Другая группа, самым заметным ее предста-

вителем был Галимджан Ибрагимов, оценивала тот же анализ совершенно иначе: «Как будто он не отдельный человек, как будто у него нет души и сердца, чтобы сказать: «Вот он, я!» Как будто он создан без особой индивидуальности. Все его ощущения, все мысли, желания слишком общие, слишком обычные»⁵⁸. «Он не открыл для народа никакого нового и великого мира. И об этом говорит то, что он не находил «удовольствия и вкуса» ни в чем, кроме как в безграничном «служении народу»⁵⁹. Причина популярности Тукая тем самым объяснялась не его индивидуальной поэтической одаренностью, а тем, что «народ» находил в Тукае свои собственные восприятия, мысли и чувства⁶⁰. Правда, ни одна из двух указанных групп не определила точнее, кто же принадлежал к «простому народу» – упущение, которое впоследствии дало возможность различным интерпретациям Тукая открыть двери в самых различных направлениях.

Взгляды и оценки Галимджана Ибрагимова, которые следовали [западно]европейскому представлению о поэте, как вышедшему из народа, особом индивидууме, и придавало поэзии самостоятельную ценность, нашли в татарской литературе перед Октябрьской революцией небольшое количество сторонников. С 1920-х гг. эту позицию открыто уже не поддерживал ни один из татарских интеллектуалов: такие поэты, как Сагит Рамиев и Дәрдемнд, в чьих произведениях с середины 1910-х гг. проявлялась эта точка зрения, после прихода к власти большевиков почти ничего не публиковали. Другие, среди них и Галимджан Ибрагимов, по меньшей мере, внешне отказались от своих прежних взглядов и пытались найти свое место в новых условиях.

Таким образом, с 1920-х гг. не было слышно голосов, противоречащих представлению, что литература должна находиться на службе у народа. В оценке Габдуллы Тукая это означало, что, прежде всего, необходимо было

выяснить два круга вопросов. Первый – кто принадлежал к народу, чьи интересы и чувства выражал Тукай в своем творчестве? Татары в целом угнетенное население или же «мелкая буржуазия»? Второй – правильно ли понял и передал Тукай интересы и чувства народа или же он перенес на народ только собственное настроение и свою собственную ситуацию? Общая оценка Тукая и, прежде всего, приписываемый ему «гуманизм» тем самым зависели от того, как оценивалось время, в которое жил поэт. Поскольку подобная оценка почти всегда определялась переносом позднейших идеологических положений на дореволюционное время, она могла быть весьма различной. Это различие в интерпретациях облегчалось к тому же и «многосторонностью» творчества самого Габдуллы Тукая.

Оценка мировоззрения Тукая как «гуманистического» в этот период не исключала того, что поэту приписывались и пессимистические тона. Для критиков до начала 1920-х гг. пессимизм был вполне совместим с гуманизмом. Одним из первых, кто обратил внимание на пессимистический тон в поздних стихах Тукая, был Ибрагим Биккулов. 7 апреля 1913 г., через пять дней после смерти поэта, он писал: «И в своих последних стихах Габдулла эфенди очень ясно выразил, что он устал от жизни и торопится перейти в мир вечного блаженства»⁶¹. Биккулов подкрепил свой тезис цитатой из стихотворения Тукая «Читен хәл». Правда, это стихотворение вряд ли можно отнести к поздним стихам Тукая, потому что оно было написано 14 июля 1911 г.⁶² Галимджан Ибрагимов сдвинул дату, с которой пессимистические тона в поэзии Тукая зазвучали особенно отчетливо, на начало 1909 г. и в качестве примеров назвал такие стихотворения, как «Тәрәддәд вә шөбһә» (13 февраля 1909 г.), «Күңел» (22.02.1909 г.) и «Вақты гажезем» (1 июня 1909 г.). Но наиболее ясно это чувство проявилось в стихотворении

«Өзелгән өмид», опубликованном 29 ноября 1910 г. в газете «Вақыт»: «Тукай, который когда-то шутливо беседовал со смертью⁶³, теперь смотрит на этот мир с опаской, страхом и раздражением. Как будто чувствует себя чужим и нелюбимым»⁶⁴. Кроме названных, есть еще немало стихотворений Тукая, написанных с 1909 г., уже в названиях которых очевиден пессимизм и усталость от мира⁶⁵.

Есть несколько причин того, почему сразу после 1913 г. эти взгляды Тукая подчеркивались. Во-первых, есть немалое число стихотворений, в которых Тукай выражал свою усталость от мира. Такие стихи писались с 1909 г., так что их нельзя причислять только к поздним произведениям. И их число возрастало по мере того, как приближалась дата его смерти. Во-вторых, возможно, что стихи, написанные Тукаем незадолго до смерти, казались его современникам наиболее актуальными и настоящими, поэтому в их представлении об его творчестве они занимают доминирующее место. В-третьих, пессимистический тон стихов, конечно, отражал чувства, которыми жил не только сам Тукай, но и многие из его читателей и критиков в период с 1907 по 1913 г.: ожидания, связанные многими татарскими интеллектуалами с первой русской революцией, не оправдались и разочаровали; материальная ситуация еще заметнее ухудшила положение широких слоев населения; голод и эпидемии требовали все новых и новых человеческих жертв.

Однако важно отметить и то, что для современников Тукая в пессимистическом тоне многих его стихотворений не было ничего предосудительного. Разочарование, жалобы на несовершенство мира и людей и, как следствие, обращение к Богу – все это не оценивалось негативно критиками до начала 1920-х гг. Некоторые из этих стихов даже были названы «настоящей лирикой» и отмечены очень высоко, например, «Күңел», «Вәсыятем» и «Мигъраж»⁶⁶. Два последних стихот-

ворения, как и некоторые другие, очевидно, из-за их чисто религиозного характера не были включены ни в одно из советских изданий стихов Тукая⁶⁷.

Хотя подавляющее большинство тогдашних, современных для Тукая критиков и отмечало его пессимизм, однако при этом не забывало упомянуть, что вначале, по крайней мере в первые два года своего семи-восьмилетнего творчества, Тукай писал и стихи, в которых проявлялись оптимизм и вера в лучшее будущее, которому он, как поэт, надеялся содействовать. Изменение в мировоззрении Тукая Джамалетдин Валиди обрисовал следующим образом: «Вначале он представлял мир как белизну, на которой разбросаны темные пятна, а вот теперь он начал видеться ему как темнота, украшенная белыми пятнами»⁶⁸. Хотя Джамалетдин, а вместе с ним и большинство тогдашних татарских критиков, в отличие от Галимджана Ибрагимова, не отказывали ранним стихам Тукая в их поэтической ценности⁶⁹, следует отметить, что раннее творчество играло для положительной общей оценки творчества Тукая лишь подчиненную роль. Совершенно очевидно, что качества Тукая до начала 1920-х гг. виделись не в тех стихах, в которых он боролся за лучшее будущее, а в тех, в которых он осуждал плохое настоящее.

С года смерти Тукая до конца 1930-х гг. мне известен только единственный критик, который оценивал мировоззрение Тукая как оптимистическое и жизнеутверждающее. Это Галиасгар Гафуров или Чыгтай. Он был муллой в Бузулуке, в Самарской губернии. В 1910 г. он написал памфлет, в котором критиковал реально существующий ислам. Из страха последствий для себя, однако, он его не опубликовал⁷⁰. Определение Тукая Чыгтаем как оптимиста относится к 1914 г. Это относится к стихотворению Тукая «Катиле нәфескә», опубликованному в газете «Йолдыз» 15 апреля 1910 г., в котором поэт отвергал самоубийство

как способ разрешения всех проблем. Тем самым он следовал «священному учению индийского пророка Гаутамы (Будды)». Тукай, по мнению Чыгтая, понял и дает понять другим, что жизнь — это ценность, которую при любых условиях необходимо сохранять и возвеличивать⁷¹. До 1938 г. мнение о том, что основной тон творчества Тукая оптимистичен, не высказывал более ни один критик. Чыгтай также радикально поменял свое мнение в 1920-е гг.: как ответственный редактор журнала «Фән һәм дин», задачей которого были борьба с религией и пропаганда атеизма, он показал себя как один из самых острых критиков Тукая. Такой поворот, однако, это только один из примеров изменчивого, противоречивого и богатого на парадоксы представления о Тукае.

1.2.2. Тукай – гуманист и пессимист (начало 1920-х гг. – около 1928 г.)

Политическую ситуацию начала 1920-х гг. коротко можно обрисовать следующим образом. В начале марта 1921 г. X съезд коммунистической партии принял решение о переходе к «новой экономической политике» (нэп), что открыло экономические возможности, о которых никто и не осмеливался даже думать во времена гражданской войны и военного коммунизма. После XII партсъезда в апреле 1923 г. началась коренизация, политика «индигенизации», которая должна была служить требованиям нерусских национальностей СССР⁷². Типографское и издательское дело начало восстанавливаться быстрыми темпами: в 1925 г. тираж русскоязычных книг достиг предвоенных показателей⁷³. В культуре и литературе еще не было четко установленной политическим руководством линии внутри еще не совсем ясно обрисованных социалистических рамок, отклонение от которых тотчас имело бы серьезные последствия.

Середина 1920-х гг. (примерно 1922–1926 гг.) стала золотым време-

нем для татарской литературы. После абсолютного падения в 1923 г., когда на татарском было издано всего лишь 10 литературных книг общим тиражом 24 000 экземпляров, татарское книгопечатание пережило быстрый подъем: 1924 г. – 17 книг, 62 000 экземпляров; 1925 г. – 54 книги, 231 000 экземпляров⁷⁴. С появлением ежемесячного татарского литературного журнала «Безнең юл» в мае 1922 г. для татарских литераторов, критиков и деятелей культуры вновь появилась платформа для дискуссий и публикаций, и в мыслях, предположениях и требованиях они были вынуждены ограничиваться объемом короткой газетной статьи.

Если пренебречь коротким возрождением «буржуазной» культуры литературы и образа жизни, последовавшего в результате нэпа в 1922 г. и особенно в 1923 г., который критиковался и осуждался татарской советской прессой⁷⁵ и не имел значения для последующего развития⁷⁶, то оживление культуры наиболее ясно проявилось в возникающих литературных кружках и объединениях. Все они исходили из левых позиций, однако имели различные точки зрения на сущность и задачи литературы, которые были представлены не только в бесчисленных статьях в периодической печати, но, прежде всего, доводились до публики на различных митингах, чтениях и дискуссионных собраниях, проводившихся в большом количестве. В татарской литературной дискуссии 1923 г. были представлены практически все течения, которые тогда имелись в русской литературе, за исключением «крестьянских поэтов», например, футуристы (Адель Кутуй), имажинисты (Кави Наджми), символисты (Хади Такташ), пролеткультовцы (Ханаф Наум). В 1923 г. в Казани были основаны первые литературные объединения (әдәби күмәкләр): «Завод» (среди прочих и Кави Наджми) и «Часовой» (Шамиль Усманов). В феврале 1924 г. за ними последовал «Октябрь» – объединение татарских

революционных рабоче-крестьянских писателей⁷⁷, с которым сотрудничали среди прочих Шариф Камал, Галимджан Ибрагимов, Фатхи Бурнаш, Хади Такташ, Муса Джалиль, Кави Наджми, Афзал Шамов, Адель Кутуй, Шамиль Усманов и Гумар Тулумбайский⁷⁸. В апреле 1924 г. группа литераторов, которые, прежде всего, относили себя к футуристам, вышла из состава «Октября» и основала свое объединение «Сулф» (Сул фронт). К нему, например, принадлежали Ярлы Карим, Адель Кутуй, Гумар Тулумбайский, Гаяз Ризванов, Сирип (Батыршин), Тагир Гусманов, Риза Ишмурат и Карим Амири⁷⁹.

Татарские объединения ориентировались на русские образцы не только в своей литературно-политической программе⁸⁰: некоторые из них переняли, в татаризованной форме или же в виде перевода, и названия русских объединений («Октябрь», «Сулф»), в своем поведении и одежде многие из молодых татарских литераторов походили на русские образцы⁸¹. Дискуссии между представителями различных литературных течений как татар, так и русских часто принимали форму «литературного суда» (әдәби суд). Подобные мероприятия, которые в Москве и Ленинграде имели место уже в конце 1920 г.⁸², татарскими интеллектуалами впервые были проведены три года спустя, осенью 1923 г.⁸³ Затем они проводились в большом количестве, так что о них говорилось как о модном увлечении⁸⁴. Хотя во время подобных процессов обвинители и у татар использовали очень воинственный и очень пластичный язык⁸⁵ и порой даже требовали «наказания литературной смертью» (әдәби үлем җазасы)⁸⁶, в середине 1920-х гг. успех обвинителей в «производстве» таких процессов был еще далеко не очевиден⁸⁷. В отличие от дискуссий между русскими писателями и критиками, обвинения которых могли иметь далеко идущие персональные последствия уже в середине 1920-х гг.⁸⁸, у татарских литераторов в

эти годы происходил в основном словесный обмен ударами. Острая критика и обоюдные обвинения ограничивались литературной плоскостью и не обязательно причиняли вред личным отношениям контрагентов⁸⁹.

Такая многообразная и живая литературная жизнь со всеми ее различными течениями, объединениями продолжалась до середины 1927 г.⁹⁰, и еще в октябре 1927 г. она оценивалась позитивно⁹¹. Это стало возможным благодаря тому, что до этого времени не было еще ясного руководства литературой со стороны партии или не было предпочитаемого партией литературного объединения⁹².

Хотя уже в конце 1926 г. впервые громко и ясно было заявлено о необходимости единого и сильного (татарского) объединения писателей⁹³, прошло еще два года, прежде чем это требование было претворено в жизнь. После того как в 1928 г. литературные объединения в российском и всесоюзном масштабе пережили реорганизацию, и в качестве доминирующей группировки в русской литературе закрепилась Российская ассоциация пролетарских писателей (РАПП)⁹⁴, в октябре 1928 г. была основана ее татарская «копия» – Татарская ассоциация пролетарских писателей (ТАПП)⁹⁵. Первым председателем ее стал Галимджан Нигмати, его заместителем – Фатых Сайфи-Казанлы⁹⁶. С основанием ТАПП в татарской литературе впервые появилось объединение, которое не только сильно влияло на литературную жизнь, но и господствовало в ней и определяло ее дальнейшее развитие. Многообразие мнений и литературных течений, что было характерным для середины 1920-х гг., с 1928 г. сошло на нет – тем самым завершилось самое плодотворное время в советской татарской литературе. За ним последовала «эпоха бурно развивающейся промышленности и классовой борьбы»⁹⁷, «годы, когда в романах муж больше любил оружие и трактор, чем свою жену, а

жена своих учеников и колхозную кухню больше, чем своего мужа»⁹⁸.

Изучение Тукая во второй трети 1920-х гг. было столь же живым и предлагаемые при этом точки зрения были столь же многообразными, что и вся литературная жизнь того времени, коротко представленная выше. Со своими оценками, которые очень часто давались настойчиво и энергично, представители всех литературных течений представляли многостороннее лицо Тукая.

Особый толчок дискуссия о Тукае получила, конечно, в связи с десятилетием со дня его кончины в 1923 г. По этому поводу в прессе появились многочисленные статьи, было проведено много собраний, и писатели, поэты и «другие товарищи» призывались создавать литературные произведения о Тукае⁹⁹.

Афзал Шамов, обучавшийся на рабфаке Казанского университета с 1922 по 1925 г., 14 апреля 1923 г. принял участие в собрании, посвященном 10-летию со дня смерти Тукая и организованном «Советом культуры татарских студентов». В своем сообщении он дал краткий обзор о тогдашних точках зрения и оценках Тукая. «В те годы в прессе имели место два основных взгляда на Г.Тукая: одни считали его мелкобуржуазным поэтом, а другие называли его народным поэтом. И сторонники первой точки зрения, и сторонники второй точки зрения подтверждали свои мысли примерами из творчества поэта. Кроме того, появился и третий взгляд, он тоже начал поднимать голову (...). Тукай не наш поэт, он не имеет отношения ни к социальной революции, ни к пролетариату, он поэт либерально-буржуазный, он служил им – так в разных местах они несли подобный вздор. (...) Они даже начали шуметь, что не дадим вспоминать буржуазных поэтов, не позволим организовывать вечера в их память!»¹⁰⁰. В остром противоречии с представителями последней позиции находились те, кого А.Шамов не упо-

мянул и кто защищал точку зрения, что Тукай – «поэт пролетариата»¹⁰¹.

Однако имелась и еще одна позиция по отношению к Тукаю. В отличие от названных, которые критиковали и оценивали поэта исходя из «западной» точки зрения, представители этой, пятой позиции, «восточники» (шәрәкчеләр), по мнению Джамалетдина Валиди, считали необходимыми для стихов «мудрые слова, аллегории и афоризмы». Поскольку они не находили таковых в стихах Тукая, они негативно оценивали его творчество. Важнейшим представителем «восточников» Д. Валиди называет Риза казый [Фахретдинова]¹⁰². Однако уже в 1923 г. в дискуссии о «правильной» оценке Тукая эта позиция играла очень подчиненную роль. С середины 1920-х гг. ее открыто уже не представлял никто, и она не имела никакого значения в дальнейших обсуждениях.

Итак, если оставить без внимания «восточников», то в 1923 г. имелись четыре различные позиции и оценки Тукая, частично исключаящие друг друга: 1) Тукай – это мелкобуржуазный поэт; 2) Тукай – это народный поэт. Две эти позиции сформировались непосредственно после смерти поэта, хотя тогда, конечно, не применялся термин «мелкобуржуазный», а говорилось лишь о гуманизме Тукая. И в 1920-е гг. эти две позиции представляло старшее поколение татарских интеллектуалов, имена которых звучали еще до Октябрьской революции, например, Фатых Амирхан, Джамалетдин Валиди, Махмут Галая, Фатхи Бурнаш и Галимджан Ибрагимов; 3) Тукай необходимо критиковать за то, что он не был народным поэтом, а являлся поэтом либерально-буржуазным; 4) Тукай необходимо восхвалять как образец, поскольку он является пролетарским поэтом. Две последние позиции однозначно являлись «достижениями» новой, социалистической, эры, в которую литературная критика постепенно заменялась «литературно-политической» критикой¹⁰³. Ее представители

почти без исключения принадлежали к первому поколению татарской интеллигенции, ориентированной просоветски и просоциалистически. К третьей группе поначалу (примерно 1923–1925 гг.) принадлежали Гумар Галлиев, Махмут Максут (Магис), Галиасгар Гафуров (Чыгтай) и Хади Такташ. Четвертую группу представляли в это время Мухаммат Парсин, Нурсин¹⁰⁴, Габрахман Минский и (частично) Габдрахман Сагди.

Представители каждой из этих групп заявляли, что их взгляды и их оценка Тукая являются единственно правильными, и «подтверждали» это стихами поэта, которые «обосновывали» их точку зрения. Для представителей двух последних, экстремальных, позиций такое «подтверждение» было особенно трудным, потому что для них было очень даже сомнительно найти такие высказывания Тукая, полностью совпадавшие с их аргументацией. И все же все верили в то, что они найдут такие высказывания.

Представители точки зрения, что Тукай – пролетарский поэт, защищавший в своих стихах интересы угнетенных, опирались на такие произведения, как «Яратырга ярый», «Сагыныр вакытлар», «Көзге жилләр», «Кыйтга»¹⁰⁵ или же на «Алтынга каршы», «Эшкә өндәү» и «Кярханәдә»¹⁰⁶. Правда, названные стихи едва ли соответствуют образу поэта, борющегося за угнетенные массы, который может предстать перед объективным читателем. Например, в стихотворении «Сагыныр вакытлар», начинающемся словами: «Если дьяволу¹⁰⁷ надоедает его жизнь, то он вспоминает свой рай, если я надоедаю сам себе, то вспоминаю свои детские годы»¹⁰⁸, поэт описывает свое детство. Но он не описывает его таким, каким оно было, а так, как он представляет себе счастливое детство. Ни одно место в стихотворении не имеет идеологического, и, тем более, пролетарского звучания. «Эшкә өндәү» – это стихотворение для детей, в котором простыми словами говорится о том,

как важно быть целеустремленным и прилежным. Хотя стихотворение «Кярханәдә» и описывает, как выглядит фабрика, что машины выглядят, как драконы, которые вызывают страх у наблюдающего, что здесь кругом дым и запах, который можно чувствовать только в аду, и что все это очень плохо влияет на бедных рабочих, тем не менее там, где от пролетарского поэта ожидался бы призыв к забастовке или борьбе против хозяина фабрики, у Тукая читаем совершенно иное: «Хорошо бы ему убежать отсюда, из этого дурного ада. Куда-нибудь, в зеленые луга, в те места, где щебечут птицы, растут пшеница и рожь, и зреет земляника»¹⁰⁹. В стихотворении «Алтынга каршы» Тукай осуждает то, что золото и деньги правят миром, что все люди поклоняются этому металлу. Но на изменение ситуации поэт надеется не через то, чтобы люди, не имеющие золота, поднялись против его обладателей. Вместо этого он умоляет Бога созвать всех своих ангелов, чтобы они очистили мир от золота, чтобы вновь признавались только истинные ценности, поддерживаемые Кораном и религиями (зороастризмом, иудаизмом и христианством): доброта (зәһдә тәкьва) и правда, верность (тугрылык). Стихотворение «Көзге жилләр» возникло под впечатлением от голода, который возник в Поволжье в 1911 г. Тукай в нем характеризует положение населения настолько плохим, что даже самому Джабраилу не оставалось ничего, как плакать. Две строки этого стихотворения с 1923 г. постоянно приводились в качестве «доказательства» связи Тукая с пролетариатом. Они гласили: «Со словами: «Самые мои любимые работники остались в этом голодными!» плачет наша священная, милосердная мать – великодушная земля...»¹¹⁰. Достаточно ли этих двух строк, чтобы сделать из Тукая пролетарского поэта, кажется весьма сомнительным и спорным, тем более, что тема «работников, рабочих» в тексте не развивается, и они ставятся в один ряд со «старыми

женщинами» и «крепкими мужчинами», которые все как один страдают от голода.

В способе, с которым критики 1923 г. обошлись со стихотворением «Көзге жилләр», вообще отражается тот прием, который должен был широко распространиться и господствовать позднее. Если некоторые из критиков еще до Октябрьской революции весьма выборочно подходили к стихам Тукая, когда из всех произведений отбирали только те, которые служили их мнению и подтверждали их оценки, то советские критики с 1920-х гг. сделали еще один шаг. Они не только отбирали нужные стихи и просто оставляли в стороне те, которые для них были неприемлемы и не нужны, они поступали так и с текстами отдельных стихотворений. Так, например, Габдрахман Сагди цитирует стихотворения «Яратырга ярый» и «Кыйтга» для того, чтобы доказать, что Тукай – это пролетарский поэт. Две первые строфы из «Яратырга ярый», приводимые им, гласят: «Можно любить зиму, но у нее есть холода, есть у нее и несчастные нищие, которые дрожат без одежды. Можно любить лето: оно красиво, и в нем есть большая прелесть, но есть у него ад для нищих, не имеющих каменных домов»¹¹¹. Последняя, третья строфа Г.Сагди не приводится: «Можно любить этот мир – красивые поля, красивые горы. Только не люблю я его вовсе, и причина тому – в нем есть сын человеческий»¹¹². Нетрудно понять, что эта строфа вовсе не подходит тому образу, который Габдрахман Сагди и его идеологические друзья пытались вылепить из Тукая. Со стихотворением «Кыйтга» – одним из последних произведений Тукая – оно появилось 1 марта 1913 г. в журнале «Аң», обошлись точно так же: из трех строф только вторая могла обосновывать левопролетарскую интерпретацию поэта, поэтому она цитировалась: «Много было преград на пути, и врагов моих стало больше, чем собак, потому что не мог я защищать тиранов и высший

слои»¹¹³. Если взять отдельно, то эти строки можно считать ясной и однозначной позицией поддержки угнетенных масс, за которых поэт болеет душой и с которыми страдает вместе. Такая интерпретация, ради которой и была подобрана эта цитата, становится, однако, совершенно неверной, если привести тексты предыдущей и последующей строф: « Не смог я сберечь свои силы для черных дней, потому что не могу назвать ни один из своих дней светлым.(...) Мечь не получилась, силы кончились, сломался меч – вот и все дела. Сам я весь запачкался, и не смог очистить мир»¹¹⁴.

Хотя позиция «Тукай – пролетарский поэт» и была представлена до 1928 г.¹¹⁵, однако ее представителям не удалось убедить сторонников других точек зрения в правильности своих оценок Тукая¹¹⁶, если не говорить при этом о «народе», которому постоянно и многократно клялись в верности. И причина того не в том, что во времена Тукая не было достойного упоминания и заметного татарского пролетариата, и Тукай не мог быть пролетарским поэтом (такое, в целом правильное, мнение выразил в 1923 г. Фатхи Бурнаш¹¹⁷), и не в том, что «доказательства», приводившиеся для подтверждения этой оценки, как было показано выше, были весьма сомнительными. В советской литературной критике, с середины 1920-х гг. все заметнее становившейся полярной и радикальной, такие объективные причины играли все меньшую и меньшую роль. Более того, с конца 1920-х гг. они были осуждены как проявление буржуазного состояния духа. Объективность означала не просто ясную поддержку советской позиции, она означала и маскировку буржуазных воззрений. Официальные представители Советской власти сделали субъективную точку зрения пролетариата единственно правильным и истинным критерием.

Представители татарской интеллигенции, рекламировавшие Тукая в статусе пролетарского поэта, не имели

успеха, не имели ничего общего с литературой, а являлись политиками и идеологами. С середины 1920-х гг. и среди татар, возможно не без влияния исторической школы Покровского, распространялось убеждение, что дореволюционное время не имело ничего реально позитивного и ничего нужного в настоящее советское время, и потому необходимо полностью разрушить все старое и на его месте строить только новое. Какую роль сыграло это представление для татарской литературы в целом, и в оценке Габдуллы Тукая, в частности, очень ясно сформулировал молодой, родившийся в 1901 г., поэт Хади Такташ во вступительном слове к публикации своей трагедии «Жир уллары» (1923 г.): «Старые стихи татар, которые поэты вели, начиная с Бакыргани через Тукая, до наших дней, должны быть разрушены. Они устарели, они слишком узки для широких душ и пламенных сердец»¹¹⁸. Такое жесткое отрицание литературно-культурного наследия, которое в дискуссиях о татарской литературе впервые было проявлено Хади Такташем в 1923 г., для русских представителей Пролеткульта, прежде всего А. Богданова (1873–1928), и футуризма стало программным уже почти сразу же после Октябрьской революции¹¹⁹. В татарской литературе дискуссии на эту тему продолжались вплоть до начала 1927 г.¹²⁰

У поборников радикального осуждения и отрицания всего старого в 1926 г. имелось несколько благоприятных поводов, чтобы «разобраться» с дореволюционной татарской литературой: смерть двух важнейших ее представителей – Фатыха Амирхана (умер 9 марта 1926 г.) и Сагита Рамиева (умер 16 марта 1926 г.), а также издание сочинений Тукая под редакцией Фатхи Бурнаша, снабженного вступительным словом¹²¹. Хотя среди статей, появившихся в татарской прессе в связи с кончиной Фатыха Амирхана и Сагита Рамиева, имелись и отдельные публикации, в которых обе эти личности оценивались положительно¹²², все

же подавляющее большинство критиков представляли их как литераторов, для которых народ ничего не значил и, следовательно, которые ничего ему не дали¹²³. Издание произведений Тукая 1926 г. было воспринято критиками совершенно по-разному, причем, однако, нельзя говорить о перевесе положительных или отрицательных оценок¹²⁴.

Характеристика и оценка Тукая как непролетарского поэта, как было упомянуто выше, начались уже в самом начале 1920-х гг. Одним из самых ранних, известных мне примеров является статья (без указания автора) от 25 мая¹²⁵ в татарской газете «Азат Себер», выходившей в Новосибирске. Ее автор выступает против того (что, очевидно, произошло на одном из мероприятий в Зайсане), чтобы называть Тукая «товарищем» (иптәш) и «героем» (каһарман), и заявляет при этом: «Тукай – не пролетарский писатель. Тукай националист, поборник Бога, к тому же он любит монархию (потому что его целью было создание великого татарского государства, татарской монархии)». Чтобы подтвердить свою мысль, автор статьи цитирует стихотворение «Олуг юбилей мөнәсәбәте белән халык өмитләре», написанное 21 февраля 1913 г. по поводу 300-летия династии Романовых. Подтверждений того, что Тукай намеревался создать «татарскую монархию», в стихотворении нет. О чем идет речь в этом стихотворении, видно уже из его названия: Тукай выражает свою надежду, что царь найдет взаимопонимание со своими подданными и предпримет меры для улучшения положения населения Российской империи вне зависимости от национальной принадлежности¹²⁶. В тексте, написанном по данному конкретному поводу, вряд ли стоит ожидать воинственного тона, однако в нем есть намеки на то, что царь или царская политика ответственны за плохое положение народа.

Для большинства татарских критиков, которые уже с начала, но особенно заметно с сер. 1920-х гг., критиковали

Тукая и не признавали его творчество как ценную часть литературного наследия, которую необходимо сберечь, одной из основных черт Тукая являлась его переменчивость, непостоянство личного настроения и его общественно-политических воззрений, особенно проявившиеся в его стихотворениях, созданных с 1908 г.

В самом деле, в стихотворениях и статьях Тукая, написанных после его прибытия в Казань в конце 1907 г. и до его смерти в апреле 1913 г., нет единого и ясного мировоззрения. Произведения тех лет в большей степени отличаются большим многообразием личных настроений, высказываний и мыслей, которые даже при большом желании трудно свести к единому идейно-идеологическому знаменателю. После короткой вспышки национальных чувств следовала едкая ирония в адрес националистов, затем разочарование, досада и пессимизм, проявившиеся в частичном отходе от происходивших событий и усиленном занятии фольклором и детской литературой. Примерно с 1912 г., когда сильное влияние на поэта оказывала прогрессирующая болезнь, он писал стихи, выражавшие его поиск «вечных ценностей» и «истины», которые он, по меньшей мере, временами находил в вере и религии.

Такое содержательное многообразие и переменчивость интерпретировались дореволюционной татарской критикой как знак связи Тукая с народом, так и отражение в его творчестве переменчивого настроения народа. В начале 1920-х гг. они не воспринимались более как гуманизм, а как выражение «сентиментального и романтического общего настроения». Такое определение неточно не только с литературоведческой точки зрения, оно индифферентно также и с политико-идеологической позиции¹²⁷. Оно лишь обозначало, что Тукай писал не в соответствии с четкой идейной концепцией, за что критиковался Дэрдменд после его смерти 9 октября 1921 г.¹²⁸, а в своем творчестве следовал зову сердца¹²⁹. Правда,

по мнению критиков, сердце вело его в правильном направлении лишь до осени 1907 г., пока он жил в Уральске. Хотя Галимджан Ибрагимов еще в 1913 г. определял эту фазу в литературном и содержательном смыслах как самую худшую во всем творчестве Тукая¹³⁰, в середине 1920-х гг. она стала единственной, которую критики были готовы оценить положительно. Все, что поэт написал после приезда в Казань, а это подавляющая часть его творчества, показывало для них, что «Тукай оказался с точки зрения убеждения совершенно безликим. Он не смог занять политической позиции»¹³¹. И в этом отражалась, по их мнению, главная черта характера Тукая – безнадежность: «Он всегда жил в этом мире как пессимист»¹³². И в таком качестве, естественно, он не соответствовал требованиям, предъявлявшимся советскими критиками 1920-х гг. образцовым поэтам, а именно: быть оптимистичным, всем своим творчеством осознанно и последовательно способствовать тому, чтобы ускорить историческое развитие, предписываемое социалистической идеологией.

Попытки демонтировать имидж Тукая как великого татарского поэта начали проявляться, как было сказано, уже в начале 1920-х гг. Хотя с 1926 г. они предпринимались все более и более активно, только в 1928 г. они совершенно очевидно взяли верх в оценках Тукая. До этого представителям других позиций было возможно высказывать свое мнение в общественных мероприятиях и в татарской прессе. Примерно с 1928 г. состязание различных позиций и течений за главенство в татарской литературе закончилось. Однако оно закончилось не потому, что одна из существовавших к тому времени позиций убедила все остальные и последние присоединились к ней. Оно закончилось в большей степени из-за того, что политическое руководство высказалось за одну позицию, и параллельно с ней другие уже не воспринимались.

Расцвет и многообразие, характерные для татарской литературной жизни начала и середины 1920-х гг., были результатом политики в той же мере, что последовавшее за этим однообразие. Если первое стало возможным благодаря политической неопределенности, благодаря тому, что политическая верхушка не желала или не могла установить одну-единственную позицию, то последнее стало ясным результатом выраженного стремления партии в 1927–1928 гг. господствовать во всех сферах общественной жизни и исключительно в одиночку определять будущее развитие. Советская, а значит и татарская литература и литературная критика все более определялись изменившимися позициями и положением партии. Здесь непосредственно одна за другой последовали две крайности: невмешательство в начале 1920-х гг. и тотальное господство в начале 1930-х гг. Изменения, предпринятые партией в своей точке зрения, имели исходный пункт в других политических сферах (экономика, классовая борьба и т.п.), которым она хотела подчинить и которым хотела поставить на службу литературу. То, что литературе приписывалась важная политико-идеологическая роль, не в последнюю очередь подтверждает та жесткость, с которой осуждались те писатели и поэты, не готовые подчиниться диктату партии над литературой. Советская критика, очевидно, была убеждена в том, что слово ее противников и оппонентов было политически, по меньшей мере, столь же влиятельно, как и ее собственная позиция, как об этом говорилось или хотя бы на это возлагались надежды¹³³.

Чтобы лучше понять возникшую примерно с 1928 г. новую фазу в интерпретации Тукая, необходимо в следующем разделе коротко представить общий политико-идеологический литературный фон, на котором она формировалась.

1.2.3. Тукай-пессимист (примерно 1928 г. – середина 1930-х гг.)

Самое позднее в 1927 г. политическое руководство СССР решило более не терпеть многообразия мнений и внутри социалистического спектра. Идеологические дискуссии, определявшие политику, экономику и культуру в 1920-е гг., тем самым были завершенны.

С конца 1920-х гг. вся (социалистическая) идеология пережила два масштабных изменения, имевшие далеко идущие последствия. Во-первых, идеология была персонифицирована, вначале в Ленине, а затем, в 1930-е гг., в Сталине¹³⁴. Во-вторых, она была стандартизирована и сведена к простому и «понятному» катехизису. Идеология превратилась в догму и, тем самым, в инструмент контроля¹³⁵. Только и исключительно руководство коммунистической партии определяло избранный курс, о котором уже никто не мог дискутировать и отклонение от которого воспринималось как выступление против социализма, что приводило к критике и осуждению.

Новая политика, не оставлявшая более пространства для идеологических дебатов, началась с 15 съезда ВКП (б) («съезд индустриализации») в декабре 1927 г.¹³⁶ Съезд провозгласил переход к плановой экономике. Принятые директивы первого пятилетнего плана (1928/1929 – 1932/1933) подчеркивали необходимость быстрой индустриализации и реструктурирования сельского хозяйства через создание новых коллективных хозяйств (колхозов и совхозов)¹³⁷. В качестве высшей цели было провозглашено повышение производства в промышленности и сельском хозяйстве. Все экономические, общественные и культурные сферы и организации должны были быть подчинены решению этой цели и способствовать ее достижению. Новая политика означала широкомасштабную централизацию – подчинение на всех уровнях (союзные, автономные

республики и т.п.) всем решениям и предписаниям, принимавшимся в центре, в Москве. Для того, чтобы планы претворились в жизнь, считалось необходимым определить тех, которые не были на все сто процентов готовы подчиниться новой политике. Поиски «саботажников», которые автоматически клеймились как «враги социализма», принимали все более интенсивные и сюрреалистические формы по мере того, как выполнение намеченных планов отодвигалось все дальше и дальше¹³⁸. А это означало новую вспышку классовой борьбы, которую многие из интеллектуалов посчитали законченной уже в начале 1920-х гг. Эта политика означала чистки в партийном аппарате, администрации и культурно-литературных организациях во всех нерусских регионах СССР. Было «раскрыто» бесчисленное множество «буржуазно-националистических» и «национал-коммунистических» организаций, их «члены» были осуждены, а многие из «главарей» – расстреляны¹³⁹.

Тем самым время с 1928 г. было ознаменовано радикальным политизированием всех сфер жизни, когда главной и единственной целью становятся советское, социалистическое переустройство и преобразование.

Литература также должна была беспрекословно служить слову всего старого и строительству нового. «Борьба за гегемонию пролетарской литературы», которую Сталин потребовал в 1928 г.¹⁴⁰ и которую некоторые писатели уже вели с середины 1920-х гг., превратилась в аксиому с помощью высказываний и мнений Сталина и других высших партийных функционеров¹⁴¹. В 1928 г., во время реорганизации всесоюзных и российских литературных объединений, РАПП (Российская ассоциация пролетарских писателей) превратилась в доминирующую группировку. Литературно-политическая цель, поставленная Сталиным, была неразрывно связана с «подавлением классового врага в литературе»¹⁴².

В декабре 1928 г. позиция РАПП усилилась и легитимирована через постановление ЦК о социальных задачах беллетристики. В нем от писателей требовались обращение к актуальным темам, решительный отказ и борьба с «буржуазным» влиянием, представление «героизма социалистического строительства и классовой борьбы, переустройства общественных отношений и становления нового человека»¹⁴³.

Врагами новой политики, против которых следовало бороться, в основном были признаны так называемые «попутчики» (по-татарски «юлаучылар») – большей частью старые интеллектуалы, старавшиеся сохранить лояльное отношение к Советской власти, но одновременно оставаться верными основным гуманистическим убеждениям. Л.Авербах, генеральный секретарь РАПП, заявил по этому поводу в ноябре 1929 г.: «Они [«попутчики»] говорят не о классовой ненависти, а о гуманизме, как будто в мире может быть что-то более гуманистическое, чем классовая ненависть пролетариата»¹⁴⁴. Т.е. требовалось признание «воинствующего марксизма»¹⁴⁵. Это требование представляли А.Луначарский, тогда народный комиссар просвещения, и М.Горький, который в своей статье «Если враг не сдается, его уничтожают», опубликованной в «Правде» 15 ноября 1929 г., фактически признал правильность сталинской политики репрессий¹⁴⁶. Список поэтов и писателей, которые стали жертвами кампаний преследования, организованных РАПП с 1928 г., или же «добровольно» ушли из жизни, внушительен – это, например, Б.Пильняк, Е.Замятин, М.Булгаков, И.Бабель, А.Платонов, В. Маяковский – называю только самые известные имена русских писателей.

Борьба против «старого» переходила к борьбе за «новое», т.е. к пролетаризации литературы. Это означало не только то, что литература должна была выполнять агитационную и мобилизирующую функцию с содержательной стороны. Это означало так-

же, что должна была усиливаться связь между производителями литературных произведений, писателями, и производителями материальных ценностей, пролетариатом, в идеальном случае это должно было совпасть. «Зашли настолько далеко, что заявляли, что по-настоящему значительные произведения может создать только человек, работающий руками, человек пролетарского происхождения»¹⁴⁷. Поэтому многие писатели отправлялись на фабрики и горные предприятия, чтобы жить жизнью трудящихся и затем написать об этом. Одновременно в большом числе публиковались стихи, рассказы и репортажи, авторами которых являлись рабочие. В способе своей «продукции» авторы ориентировались на новую политику обобществления: литературные произведения «производились» также и коллективами¹⁴⁸.

Ужесточившиеся требования к государственному цензурному учреждению (Главлит), которое сопровождало и контролировало новую литературную политику, принятые в 1931 г., определили «переход от запретительной к распорядительной цензуре»¹⁴⁹.

Результатом этих предписаний и требований стало «распространение несамостоятельной бесталанности»¹⁵⁰ в советской литературе. По словам Романа Якобсона, высказанным в статье «О поколении, потерявшем своего поэта», написанной по поводу самоубийства В.Маяковского (14 апреля 1930 г.), «начались годы медленной поэтической летаргии»¹⁵¹.

Развитие татарской литературы и литературной критики после 1928 г. следовало именно в русле линии, организационно и содержательно определенной политико-идеологическим центром в Москве. В октябре 1928 г. было основано татарское подобие РАПП – Татарская ассоциация пролетарских писателей (ТАПП)¹⁵². Ее первым председателем стал Галимджан Нигмати, заместителем председателя – Фатых Сайфи-Казанлы¹⁵³. Впервые в

татарской литературе возникло объединение, которое стало господствовать в литературной жизни и определять ее дальнейшее развитие. С его созданием идеологическая критика стала единственной формой дискуссий и в татарской литературе. Была потребована «пролетаризация художественной литературы» (матур әдәбиятны эшчеләштерү). Татарские интеллектуалы, объединившиеся вокруг газеты «Эшче», которая издавалась в Москве, заявили о себе как о решительных борцах за новую линию. Раньше, чем их коллеги из Казани, они вступили в борьбу на литературно-культурном фронте¹⁵⁴. Уже в январе 1928 г. в газете «Эшче» появилась рубрика «Әдәбият сәхнәсе», которая должна была дать молодым пролетарским авторам возможность выступить перед общественностью со своими произведениями. В 1929 г. эта рубрика велась с другим, более соответствующим времени названием – «Матур әдәбият массага»¹⁵⁵. Новое, воинствующее пролетарское содержание проявилось и в переименовании официального литературно-культурного журнала «Безнең юл» – он стал называться «Атака», и в появлении журналов «Мәгариф эшчесе» и «Пролетариат сәнгате»¹⁵⁶.

Лозунг «Пусть в художественной литературе отражается каждое направление строительства социализма»¹⁵⁷ обусловил появление нового рода литературы: «производственный жанр». По мнению Галимджана Нигмати, опиравшегося в своих объяснениях на мнение русского литературоведа В.М.Фриче (1870–1929), многократно им цитировавшегося, для этого жанра характерны две черты: его литературный герой не является более (буржуазным) индивидуумом, а представителем пролетарского класса, и, исходя из этого, важным является не «представление индивидуальной биографии героя на основе его интеллектуального и эмоционального развития, а ориентация на художественное отображение производственного сектора»¹⁵⁸. Требо-

вания, предъявлявшиеся к «производственному жанру», напрямую были связаны с промышленным производством: «Индустрия под названием поэзия требует новых доменных печей, новых гигантов»¹⁵⁹, «самое важное – борьба за Магнитострой литературы»¹⁶⁰.

Не только на словах и в содержании литературное и промышленное производства все более сближались друг с другом. С конца 1920-х гг. и татарские писатели и поэты отправлялись, прежде всего, в новые промышленные центры Урала и Донбасса, чтобы жить рядом с рабочими, учиться у них, и таким образом «пролетаризироваться» – обязательное условие для того, чтобы быть признанным в качестве автора. Как писал в январе 1931 г. Г.Нигмати: «Чтобы получить звание пролетарского писателя, чтобы носить это имя, не хватает только того, чтобы ты родился или жил рабочим, надо уметь усвоить идеи пролетариата как передового класса. То же относится и к пролетарским поэтам»¹⁶¹. Подобное мировоззрение требовало не только активного участия в борьбе за строительство социализма, но и «уничтожения последних корней капитализма»¹⁶². Критики были едины в том, что такие капиталистические, враждебные социализму элементы, представлявшие «националистические» позиции, все еще проявлялись в литературе и искусстве, замаскировавшись в той или иной мере. Борьба против них достигла своей наивысшей точки летом-осенью 1930 г., когда было раскрыто контрреволюционное, националистическое объединение татарских и башкирских писателей «Жидегән», якобы созданное в Уфе в 1928 г. Об этом подробнее еще пойдет речь ниже, в разделе «Национализм и интернационализм». В качестве остатка буржуазных идей, который также должен был быть уничтожен, воспринималась среди всего прочего и поддержка аполитичных «гуманистических» позиций, поскольку такое поведение означало отход от классово-борьбы, а значит,

являлось выражением враждебной точки зрения¹⁶³.

«Пролетарская» критика в конце 1920-х гг. была направлена не только против писателей, поэтов, интеллектуалов, публиковавшихся еще до Октябрьской революции и сделавших тогда свое имя, как, например, Дэрдменд, Сагит Рамиев, Наджип Думави, Гали Рахим, Абрар Сагиди, Газиз Губайдуллин и Садри Джалал. Впервые подверглись критике и авторы, которые еще до середины 1920-х гг. считались борцами за дело революции и социализма, например, Захира Байчурина, Фатхи Бурнаш, Габидов, Гадель Кутуй, Габдрахман Минский и др.¹⁶⁴ Галимджан Ибрагимов, отпраздновавший 20-летие своего литературного творчества в 1928 г. в Казани, хотя и попал под огонь критики, которая обвинила его в том, что он марксист только внешне, а внутри же остается националистом, пережил эти нападки (еще) без особых последствий, поскольку критиковала его пока еще небольшая группа «ультралевых»¹⁶⁵. Возможно, что именно эта критика послужила поводом для того, что спустя три года, весной 1931 г., Г.Ибрагимов опубликовал программную статью, в которой он потребовал от ТАПП присоединиться к радикальной оценке литературного наследия, как этого требовала и РАПП, отказаться от всех великих поэтов прошлого, что было сделано РАПП в отношении Пушкина, и решительно повести борьбу за «демыанизацию» (демыаннашу) советской литературы¹⁶⁶.

Осенью 1930 г. внутри ТАПП были произведены первые чистки. Из 52 писателей, чьи идеологические точки зрения и творчество были проверены, десять были исключены из ассоциации и некоторые другие – строго предупреждены¹⁶⁷. После этого карусель осуждений завертелась все быстрее. Писатели, критики, интеллектуалы, которые еще только недавно выступали в качестве обвинителей, сами очень скоро оказывались на скамье подсудимых и становились жертвами духа,

который они сами и вызвали. Очень многие из них закончили свою жизнь в лагере или же на эшафоте¹⁶⁸. Такое развитие продолжалось до конца 1930-х гг. и последовательно находило свое завершение в «устранении устранителей»¹⁶⁹.

Последним из известных дореволюционных татарских писателей под огонь критики попал и Тукай. Он был отмечен как непролетарский поэт и в качестве такового критиковался. Между 1928 г. и серединой 1930-х гг. нет ни одной (опубликованной) точки зрения, которая оценивала бы Тукай положительно или, по крайней мере, нейтрально. Решающее значение для оценки играло то, что его мировоззрение считалось пессимистическим или «мелкобуржуазным».

Пессимизм был качеством, которое не только не соответствовало советской реальности, но и рассматривалось как чуждое. Это ясно проявилось, например, в середине 1931 г., когда рассматривался вопрос о публикации стихотворения «Көзге жилләр» учителя Каюма Фазылзянова, похожего на известное стихотворение Тукай не только по названию, но и напоминавшего его по содержанию. Оно было отвергнуто со следующим обоснованием: «И вы, товарищ Каюм, пишете свое стихотворение «Көзге жилләр», подражая дореволюционным поэтам, как будто позабыв, что вы живете в годы великого строительства. (...) И вы ведете речь о безрадостных осенних проявлениях. А наша осень – это осень шумная, бурлящая, веселая. Поскольку вы сами являетесь учителем, вы должны были бы знать, какова советская осень, что ей поручено столько общественных дел. (...) А все ваши чувства и мысли в стихотворении о ветрах и дождях, которые находятся вне нашей жизни»¹⁷⁰.

Основные критерии для положительной оценки поэта, сформировавшиеся в первой половине 1930-х гг., требовали от него ясно выраженной позиции в деле социализма и безусловного выступления за интересы

пролетариата. С такой точки зрения оценивались также поэты, жившие и творившие до Октябрьской революции. Если они в советской интерпретации не соответствовали таким измерениям, они подвергались критике, а их творчество объявлялось «классово враждебным». Число «старых» литераторов, чье творчество могло соответствовать новой критике, с конца 1920-х гг. все уменьшалось и уменьшалось. Уже в 1927 г. в качестве признаваемых для советской действительности назывались лишь пятеро «старых» авторов: Шариф Камал, Маджит Гафури, Галимджан Ибрагимов, Зариф Башири и Галиасгар Камал¹⁷¹. Полностью без ущерба смогло пройти через 1930-е гг. только литературное творчество первого из названных¹⁷².

Габдулла Тукай в конце 1920-х гг. уже не относился к «старым, добрым писателям». Только в его раннем творчестве, стихотворениях и статьях, написанных между 1905 и 1907 гг. в Уральске, некоторые критики находили что-либо положительное. Причина тому довольно ясная: первая фаза творчества Тукая прямо совпадала со временем, которое советской интерпретацией истории было закреплено за первой русской революцией. Поскольку некоторые стихи Тукая этих лет отражают общее настроение перелома, Тукай видели в качестве составной части этой первой революции, а значит и в качестве провозвестника тех целей, которые в советском понимании были реализованы Великой Октябрьской революцией. Прогрессивный тон в ранних произведениях Тукая и его словесное признание социализма в стихотворении «Сорыкортларга»¹⁷³ ничего не означали для критиков начала 1930-х гг. (в отличие от более ранних и, тем более, поздних критиков), потому что во время революции 1905 г., говоря словами, например, Ф.Сайфи-Казанлы, «все называли себя социалистами»¹⁷⁴. А время реакции (столыпинщина) показало, что мировоззрение Тукая было вовсе не социалистическим или

пролетарским, а «мелкобуржуазным». Критика Тукаем недугов своего времени, его борьба против религиозного фанатизма, невежества и несправедливости хотя и могут быть признаны, по мнению Ф.Сайфи-Казанлы, опять-таки не доказывают, что он, как заявляли некоторые критики в начале 1920-х гг., являлся «безжалостным революционером». В его критике, наоборот, он как раз проявлял себя как типичный представитель мелкой буржуазии. И это выражалось, прежде всего, в том, что он хотя и вел борьбу против существовавшей системы, ему не хватало видения перспективы, он не знал, как должно выглядеть лучшее будущее и потому не мог за него бороться¹⁷⁵.

По мнению Ф.Сайфи-Казанлы, различные и противоречивые характеристики Тукая как «панисламиста», «клерикального религиозника», «националиста и религиозника», «националиста», «социалиста», «народника», дававшиеся за период времени с его смерти до конца 1920-х гг.¹⁷⁶, не имели никакой основы, так как Тукай не только не имел какого-либо ясного мировоззрения, но даже и не понимал, что такие взгляды означают и к чему ведут¹⁷⁷. Или, по словам его личного друга Чыгтая, которые он высказал еще в 1925 г., – «он не смог выбраться из политического детства»¹⁷⁸. «Очень трудно назвать стихи Г.Тукая, в которых открыто защищались бы трудящиеся и освещался бы процесс их труда. (...) Тукай любит одинаково видеть и бедного, и богатого. По его мнению, пусть будет человек и хороший человек. А из какого он класса, даже если он объективно угнетает бедняка, творит зло, – это для него стоит на последнем месте. Или даже он вообще не обращает внимания на эту сторону проблемы»¹⁷⁹. Чтобы подтвердить подобную оценку, Фатых Сайфи-Казанлы цитировал среди прочих и стихотворение Тукая, посвященное памяти Хусаина Ямашева, умершего 13 марта 1912 г. «первого татарского большевика» (таков был его «почетный титул» в советское время): «Сильный,

слабый, бедный, богатый – все было для него одно»¹⁸⁰. Отсутствие политического разума и идеологического сознания проявилось, по мнению Ф. Сайфи-Казанлы, также и в двух единственных стихотворениях Тукая, ясно и отчетливо представляющих «массы» – «Көзге жилләр» и «Кярханәдә»¹⁸¹, и поэт нес ответственность за свои «классовые колебания»¹⁸².

Пессимизм Тукая оценивался критиками как непосредственный результат его мелкобуржуазного мировоззрения¹⁸³. Пессимистические тона встречались в позднем творчестве Тукая, как это заявлялось до середины 1920-х гг. Они появились уже в 1907 г. и усиливались вплоть до его смерти. Единственным мотивом, который последовательно проходил через все творчество Тукая, был, по мнению Махмута Максута (Магиса), пессимизм. Это признавалось и отмечалось всеми критиками, и даже Галимджаном Нигмати, который еще в 1923 г. писал, что «на всем жизненном пути Тукай не терял надежды (оптимизма)»¹⁸⁴.

Новым в конце 1920-х – начале 1930-х гг. была не характеристика стихов Тукая как пессимистических. Новой была оценка, которая связывалась с этим свойством. Как уже упоминалось, современники Тукая не только не критиковали его пессимистические стихи, а, наоборот, даже восхваляли некоторые из них, определяя их как «истинную поэзию»¹⁸⁵. Те критики, которые в середине 1920-х гг. не оспаривали пессимистические тона в творчестве Тукая или же критиковали их, уже предупреждая дальнейшее развитие, пытались объяснить это тем, что они представляли Тукая как жертву своего времени и что все это было обусловлено господством буржуазии, эксплуатацией и социальной нищетой населения. Важнейшим представителем такого направления был писатель Фатхи Бурнаш. В предисловии к сборнику стихотворений Тукая, изданному в 1926 г. под его редакцией, он так объяснял пессимизм Тукая:

«С самого чрева матери и до самой смерти он перелистывал все черные страницы, которые приготовило буржуазное общество для его жизни, поэтому нельзя удивляться тому, что у него прогрессировали подобные [пессимистические] струны»¹⁸⁶. Фатхи Бурнаш словно получил поддержку своей интерпретации от Петра Когана, одного из известных русских литературоведов 1920-х гг. В 1927 г. в одной из своих статей о татарской литературе он писал, что безнадежность (өмитсезлек), проявляющаяся во многих стихотворениях Тукая, была характерна и для русской литературы периода реакции (с 1907 г.), и в обоих случаях она восходит к тем же удушающим общественным условиям¹⁸⁷.

После 1928 г. такой ход мыслей и такая оценка оказались недолговечными. Время реакции, время после 1907 г. уже внимательно не рассматривалось большинством критиков после 1928 г. – и не в последнюю очередь из-за того, что, например, для татар трудно было предъявить личности того времени, которые бы сохранили в период реакции революционно-оптимистическое мировоззрение. В представлении о дореволюционной эпохе и ее литературе внимание было сосредоточено почти исключительно на годах первой русской революции. Революционный порыв, востребованный в конце 1920-х гг., двумя компонентами которого были борьба против старого и борьба за новое, проецировался на революцию 1905–1907 гг. Ей приписывалось, что в целом она имела те же цели, что и Октябрьская революция и инициированная 15 съездом партии полная социалистическая перестройка всех направлений жизни. Важнейшей чертой для сконструированной таким образом исторической последовательности стал оптимизм. Пессимистические тона или же масштабное пессимистическое мировоззрение могли только означать, что революция не была понята или же ее цели рассматривались как недостижимые. Поэтому пессимизм

одновременно означал отказ от движения истории, которое подразумевалось и предписывалось социализмом.

На этом фоне вовсе неудивительно, что не только Тукай оценивался отрицательно после того, как его мировоззрение было охарактеризовано как пессимистическое, но вместе с ним и те, кто пытался объяснить и оправдать эти пессимистические тона в его творчестве. Уже в 1928 г., но особенно сильно в начале 1930-х гг., подвергался нападкам и критиковался за свои «буржуазные» взгляды Фатхи Бурнаш¹⁸⁸. Даже Петр Коган, считавшийся еще в конце 1920-х гг. «одним из главных представителей социологизма в [советском] литературоведении»¹⁸⁹, не избежал общей участи: его оценки татарской литературы в целом, и творчества Г.Тукая, в частности, сделанные во введении к сборнику произведений татарских писателей в переводе на русский язык, изданному в 1927 и 1930 гг.¹⁹⁰, с 1931 г. подвергались в Татарстане суровой критике¹⁹¹.

С конца 1920-х до середины 1930-х гг. Тукай и его литературное творчество переживали серьезные нападки. В них принимали участие и те критики, которые раньше, при жизни Тукая или еще в 1920-е гг., совсем иначе высказывались о поэте. Самым известным примером радикального поворота в оценках творчества Тукая является, конечно, Фатых Сайфи-Казанлы. Летом 1913 г., буквально после смерти Тукая, он еще называл покойного поэта «солнцем татарской истории»¹⁹². А в 1923 г. на мероприятии, посвященном 10-й годовщине со дня смерти Тукая, Ф.Сайфи-Казанлы выступил против тех, кто определял и славил Тукая как «народного поэта». Он не мог присоединиться к подобному мнению, так как, на его взгляд, такая оценка полностью оставляла вне внимания то, что основным мотивом поэзии Тукая была не классовая борьба, а мелкобуржуазный национализм. Для Сайфи-Казанлы Тукай был не поэтом народа, а поэтом мелкой буржуазии¹⁹³. Во вступитель-

ном и заключительном словах, написанных Ф.Сайфи-Казанлы к трехтомному сборнику произведений Тукая, изданному в 1929–1931 гг., он настойчиво поддержал свою позицию 1923 г. Но с ним произошло то же самое, что и со многими другими критиками: радикальные позиции вчерашнего дня были подавлены еще более радикальными позициями дня сегодняшнего. Вскоре после появления первых двух томов (1929 и 1930 гг.) критик Сайфи-Казанлы сам попал под огонь критики. Хотя, как отмечал его критик Гумар Гали, он в целом правильно анализировал творчество Тукая, но все же не был в состоянии или же просто не хотел сделать правильные общественно-политические выводы из этого анализа, что можно объяснить лишь недостатком классового сознания¹⁹⁴. Еще летом 1929 г. сатирический журнал «Чаян» иронизировал по поводу этого все более быстро раскручивающегося колеса критики критики (и т.д.): «По случаю приближающейся 20-й годовщины со дня смерти народного поэта Г.Тукая Фатых Сайфи-Казанлы, не являющийся народным поэтом, в качестве самого скверного памятника Тукаю начал публиковать произведения Тукая, сделав при этом 2599 ошибок. И за эти 2599 ошибок Фатых Сайфи получил лишь 2400 рублей денег. И только собрался Фатых Сайфи бросить Тукая в печатную лохань «Чаяна», чтобы избавиться от этого скверного памятника, откуда-то появился Гумар Гали, и вместо Тукая бросил в эту лохань самого Фатыха Сайфи»¹⁹⁵. Дополнив картину, отметим, что оставалось еще примерно пять лет, пока Ф.Сайфи-Казанлы не оказался окончательно в «лохани» советской истории. Его радикализм, по меньшей мере, словесный, который все возрастал по мере усиления критики в его адрес, не оправдался: прежние «заблуждения» настигли его, и 16 сентября 1936 г. он был арестован и осужден за национализм и членство в партии социалистов-революционеров (до 1917 г.). Про-

ведя почти год под арестом, 3 августа 1937 г. он был приговорен к смерти и два дня спустя расстрелян¹⁹⁶.

Критика Габдуллы Тукая и его творчества в период с 1928 г. до начала 1930-х гг. имела идеологическую природу. Решающим в оценке Тукая было то, что Фатых Сайфи-Казанлы определил как «практическую проблему» – «политико-общественный момент» в его творчестве. Проблемы же исключительно «академического значения», как то «развитие творчества Тукая, особенности стихотворений Тукая (...), типы в произведениях Тукая (...), Тукай поэт – реалист или романтик? (...), эволюция языка Тукая»¹⁹⁷, не играли особой роли для Ф.Сайфи-Казанлы и его коллег-критиков. Поскольку они не отвечали (идеологическим) требованиям, поставленным перед литературой, в том числе и литературой дооктябрьского времени, вовсе неудивительно, что Фатых Сайфи-Казанлы, Гумар Тулумбайский, Галимджан Нигмати и другие татарские критики находили в стихотворениях Тукая мало того, что можно было бы упомянуть в положительном смысле. Мнение о Габдулле Тукае и его творчестве было, таким образом, сплошь негативным.

И в то же время, по моему мнению, критикам тех лет принадлежит заслуга и правильной оценки Тукая. Они, например, правильно замечали, что Тукай не был «левым» поэтом, как считала часть татарской интеллигенции в 1920-е гг. и как это было официально декларировано в представлении о Тукае в конце 1930-х гг. Они обращали внимание на то, что «народ» Тукая – это не то же самое, что «трудящиеся», социалистические «массы», как это представлялось позднее, в 1940–1950-е гг. И они замечали, и также правильно, что религия и вера в Бога играли важную роль в творчестве Тукая, что он не был передовым бойцом атеизма, как это частично заявлялось до Октябрьской революции, а после Второй мировой войны стало господствующим мнением.

На мой взгляд, причина того, что критики непосредственно на рубеже 1920–1930-х гг. могли таким образом «объективно» анализировать (не оценивать!) творчество Габдуллы Тукая, кроется в том, что невозможно было инструментализировать Тукая и его творчество для идеологии, требуемой и поддерживаемой тогда государством. Решительный отказ от всего старого, определявший с конца 1920-х гг. политику, экономику, культуру и литературу, оставлял совершенно мало простора для того, чтобы отобразить какого-либо представителя этого старого в положительном свете. Это касалось не только Габдуллы Тукая, но и всех его современников-литераторов. Новое время потребовало новых авторов, и практически ни один из татарских писателей и поэтов, начавших писать еще до Октябрьской революции, не оценивался полностью положительно. При этом можно выделить три группы «дореволюционных» поэтов и мыслителей. К первой группе принадлежали те, кто еще жил в конце 1920-х гг. Их положение в 1930-е гг. становилось все сложнее и сложнее. Они должны были осознавать, что их «заблуждения» (в ретроспективном представлении) дореволюционного прошлого раскрыты и что они могут быть за это осуждены – что и произошло во многих случаях (например, Галимджан Ибрагимов, Джамал Валиди, Фатхи Бурнаш). Вторая группа состояла из тех, кто скончался в 1920-е гг. и в послеоктябрьское время показал себя недостаточно активным сторонником революции – что было непросто, так как прямой путь революции фактически проявился только впоследствии. Посмертно они подверглись критике и оскорблялись – например, Дэрдменд, Сагит Рамиев, Фатых Амирхан. К третьей группе можно отнести поэтов, которые уже до 1917 г. ушли из жизни и потому не были поставлены перед вопросом, как они должны относиться к реальной революции и к реальному социализму. Они могли критиковаться «только» за непрогрес-

сивное мировоззрение и идеалы. От самого серьезного обвинения – защиты антисоветских позиций – они были освобождены «милостью ранней смерти». Критика в их адрес была сравнительно умеренной, потому они впоследствии и были реабилитированы одними из первых. Важнейшим и известнейшим представителем этой третьей группы являлся Габдулла Тукай.

Решительное осуждение Тукая, что отчетливо проявлялось в таких выражениях, как «националист и религиозник»¹⁹⁸ или же «друг капиталистов»¹⁹⁹, и характеристика его стихотворений как пессимистических и «вредных»²⁰⁰ – все это было примерно до 1926 г. господствующей (и официально санкционированной) позицией критики при рассмотрении Габдуллы Тукая и его творчества²⁰¹. Последним, кто представлял эту позицию, был Муса Джалиль. Его шестистраничное вступительное слово к собранию сочинений Тукая, вышедшему под его же редакцией в 1938 г.²⁰², является кратким изложением всех тех обвинений, которые предъявлялись Тукаю с конца 1920-х гг. Правда, своей критикой Тукай Джалиль был вовсе не на высоте – вскоре после публикации сборника подверглись критике редакционные недоработки, но, прежде всего, вступительная статья²⁰³. Причиной этого было то, что примерно с 1937 г. изменилась позиция партии, а значит и литературной критики, по отношению к дореволюционному культурному и литературному наследию. Не совсем ясно, не заметил ли Муса Джалиль это изменение, или же он критиковал Тукай, не обращая внимания на него. Последнее представляется мне вряд ли возможным, так как Джалиль не мог не знать о тяжелейших последствиях, ожидавших того, кто в 1936–1938 гг. уклонялся от официальной линии партии. Вероятно, что Джалиль написал свое вступительное слово, передал его в издательство, и оно было принято к печати тогда, когда критика Тукая еще была в моде, сама же публикация пос-

ледовала после официального признания такой точки зрения неверной²⁰⁴.

В чем же заключалась эта новая точка зрения и как оценивался Габдулла Тукай и его творчество примерно с 1937 г., об этом речь пойдет в следующем разделе.

1.2.4. Тукай-оптимист (середина 1930-х – конец 1950-х гг.)

В предыдущих разделах этой главы периодизация развития представлений о Габдулле Тукае в целом совпадала с принятым хронологическим подразделением истории советской литературы. Следующий период развития представления о Тукае, начинающийся с середины 1930-х и заканчивающийся концом 1950-х гг., охватывает отрезок времени, который в изучении истории Советского Союза подразделяется на несколько периодов. Хотя в течение почти четверти века, которую я рассматриваю в данном разделе в оценке личности и творчества Тукая, были и различные точки зрения, все же эти нюансы, непосредственно связанные с актуальными политическими событиями, можно оставить без внимания и сконцентрироваться на целостной оценке поэта. Тогда можно установить, что мировоззрение Габдуллы Тукая за эти примерно 25 лет характеризовалось как «оптимистическое», т.е. оценивалось положительно.

Прежде чем рассмотреть, как происходила эта радикальная переоценка Тукая в татарской литературной критике, я хотел бы в общих чертах упомянуть некоторые события из политической жизни, сыгравшие важную роль в представлении о Тукае.

В 1934 г. началась реставрация прошлого. Историческая школа Покровского, резко критиковавшая политику Российской империи по отношению к своим русским, и особенно нерусским подданным, и отказывавшая ей в каком-либо цивилизаторском и прогрессивном характере²⁰⁵, была официально отвергнута²⁰⁶. На ее место пришло

прославление русского прошлого²⁰⁷. Санкционированный русский патриотизм при этом подтолкнул к усилению борьбы против местного национализма²⁰⁸. Понятия «Родина» и «Отчизна», применявшиеся в Советском Союзе до 1934 г. очень редко и критиковавшиеся как выражение мелкобуржуазных представлений, с весны 1934 г. стали считаться «приличными» – они вполне подходили к новому понятию – «советский патриотизм». Согласно этому понятию родина являлась «социалистической», а ее история – «революционной»²⁰⁹. И это означало не только связь с «определенной частью Земли», но и одновременно «связь с идеологией»: «советский патриотизм помогал укрыть за «надежными и эмоциональными» словами внутренние противоречия советского общества»²¹⁰. Он был задуман как замена революционному энтузиазму, который не мог существовать после катастроф коллективизации и голода²¹¹.

Непосредственно с «советским патриотизмом» было связано представление о «дружбе народов Советского Союза» – формулировка, которую Сталин впервые употребил в декабре 1935 г. и снабдил ее такими атрибутами, как «вечная» и «нерушимая»²¹². То, что в советской семье народов «русскому народу» принадлежит ведущая роль, было установлено с самого начала и было выражено также и в языке – только русским было придано качество «великих», они были «первыми среди равных», а «все народы союзных республик воспринимали русских со священным чувством дружбы, любви и благодарности»²¹³. Годы Второй мировой войны понятным образом стали «важными годами, в которые созрел миф о дружбе народов»²¹⁴. В период с конца войны и до смерти Сталина (1953 г.) русский патриотизм приобретал все более и более выраженные шовинистические формы²¹⁵.

ПРИМЕЧАНИЯ

²⁹ Среди таких, например, Фарид Ибрагимов, Г.Сунгати, Габдулла Харрис, Султан Рахманкулый, Вакиф Джалал и др. См.: **Baldauf, Ingeborg: Prometheismus in der circumrevolutionären tatarischen Lzrik**, in: *Bamberger Mittelasiestudien*. Hrsg. **Bert G. Fragner, Birgitt Hoffmann, Berlin 1994, S. 30, 47–48.**

³⁰ Незадолго до начала войны, 11 марта 1914 г., газета «Йолдыз» описывала положение татар очень наглядно: «Изо дня в день шло в направлении обнищания, фактически пришло в состояние хозяйственной гибели».

³¹ Такая мысль для 1915 г. приводится в журнале «Ан» (10.03.1916. – №3. – 54 б.)

³² *Ан.* – 01.06.1915. – № 11. – 191 б.

³³ *Ак Юл.* – 04.11.195. – № 21 (оборотная сторона титульного листа).

³⁴ Женский журнал «Сөембикә» – это интересный и поучительный пример: после того, как его выпуск был прекращен в 1918 г., в августе 1926 г. он возродился под названием «Азат хатын». В 1941–1957 г. он был вновь закрыт. А с 1958 по 1990 г. выходил вновь под тем же названием «Азат хатын». В 1991 г., в период распада СССР, он был переименован и вновь получил свое, еще досоветское название – «Сөембикә».

³⁵ Татар әдәбияты тарихы. – Т. 4. – 18 б. Было только одно-единственное исключение: детский журнал «Ак юл» выходил под тем же названием с 1913 по 1966 г.

³⁶ Pipes, Richard: *Die Russische Revolution. Band III: Russland unter dem neuen Regime*, Berlin 1993, S. 480.

³⁷ Нигъмәти Г. Ун ел эчендә әдәбиятыбыз // *Безнең юл.* – 1927. – № 10. – 28 б.

³⁸ «Хроника литературных событий» в 4-м томе «Истории татарской литературы» (1989 г.) упоминает в 1917 г. лишь одну книгу – сборник стихов М.Гафури «Кызыл байрак». За 1918 г. названы две публикации: «Г.Газиз хикәяләре» и сборник стихов С. Сунчалая «Ихтиляль шигырьләре». Если в 1919 г. не появилось ничего, достойного упоминания, то в 1920 г. вышло восемь наименований книг: роман «Безнең көннәр», драма «Яшь йөрәкләр» Галимджана Ибрагимова, поэма «Эшче» Маджита Гафури,

сборник стихов Фатхи Бурнаша, а также два сборника лирики «Инкыйлаб чаткылары» и «Чаткылар» (Татар әдәбияты тарихы. – Т. 4. – 540–543 б.).

³⁹ Simon, Gerhard: *Nationalism and Policy Toward the Nationalities in the Soviet Union. From Totalitarian Dictatorship to Post-Stalinist Society*, Boulder, San Francisco, Oxford 1991, S. 56. Здесь не учтена разница между литературными и нелитературными публикациями.

⁴⁰ Татар матур әдәбияты библиографиясе (1917–1960) / Ред. Ә.Г.Кәримуллин. – Казан, 1964. – 7 б. Здесь приведены и прочие цифры: 1917 г. – 28, 1918 г. – 29, 1919 г. – 25. Общий тираж публикаций не назван. Эта тенденция отката назад в татарской литературе продолжалась и после введения X съездом коммунистической партии (8–16 марта 1921 г.) «новой экономической политики» и достигла своей низшей отметки в 1923 г. 10 изданных в этом году книг имели общий тираж всего лишь 24 000 экземпляров. Подобная картина наблюдалась не только у татар. Такое развитие у татар в точности соответствовало тому, что имелось у русских: в 1912 г. общий тираж русской беллетристики составлял 33 миллиона экземпляров, к 1922 г. он упал до 3,5 миллиона. (Beu-rau, Dietrich. *Intelligenz und Dissens. Die russischen Bildungsschichten in der Sowjetunion 1917–1985*, Göttingen 1993, S. 61). В отличие от русской литературы, тираж которой уже в 1925 г. достиг довоенных показателей, в татарском книгоиздании только в 1982 г. был достигнут уровень 1911 г. – в 1982 г. была издана 171 татарская книга общим тиражом в 2,2 миллиона экземпляров (Simon, Gerhard: *Nationalism and Policy Toward the Nationalities in the Soviet Union*, S. 330).

⁴¹ Не следует путать с одноименным официальным татарским литературно-культурным журналом, который с 1922 г. ежемесячно выходил в Казани.

⁴² Татар әдәбияты тарихы. – Т. 4. – 22–24 б. О татарских журналах, вышедших в начале 20-х гг., см.: Татар әдәбияты тарихы. – Т. 4. – 83 б.

⁴³ Татар әдәбияты тарихы. – Т. 4. – 31 б. Многие из этих молодых литераторов во время гражданской войны воевали на стороне красных, как обычные солдаты, и именно в этом качестве впервые выступили перед общественностью. Самыми известными среди них являлись: Шамун Фидаи, Гумер Гали, Тази Гиззат, Муса Джалиль, Ибрагим Юсуфи, Ярлы Карим, Махмуд Максуд, Исмагил Рами, Бари Рахмат, Афзал Шамов и Шамиль Усманов. Мне неизвестно, были ли и татарские интеллектуалы, которые активно воевали в качестве солдат на стороне белых против революции и Советской власти.

⁴⁴ *Ибраһимов Г. Ижтимагый революция вә татар зыялылары // Эшче. – 10, 11, 12.03.1919. Здесь цит. по: Ибраһимов Г. Әсәрләр. Сигез томда. – Т. 6: Публицистика 1907–1932) / Ред. Р.Р. Гайнанов. – Казан, 1986. – 185 б.*

⁴⁵ *Бабич Ш. Зәнгәр жырлар: Шигырьләр, поэмалар, эпиграммалар, мөкалөләр, хатлар / Ред. Г. Гыйлманов. – Казан, 1990. – 11-12 б. О колебаниях Бабича относительно идеалов говорилось в одной из неназванных статей Г.Ибрагимова 1920 г. (Нәжми К. Әдәбиятыбызда марксизм тәнкыйте һәм Галимжан // Нәжми К. Әсәрләр. Дүрт томда. – Т. 4: Әдәби-публицистик мөкалөләр һәм очерклар, хатлар / Ред. Н. Гыйззәтуллин, Т.Нәжметдинов. – Казан, 1984. – 71-72 б.) Здесь же приведена точка зрения самого К.Наджми от 1928 г. См. также: Baldauf, Ingeborg: *Prometheismus in der circumrevolutionären tatarischen Lirik*, in: *Bamberger Mittelasienstudien*. Hrsg. Bert G. Fagner, Birgitt Hoffmann, Berlin 1994, S. 43–44. Приведенный в последней работе факт, что Бабич покончил жизнь самоубийством (S. 44, 48), в советских источниках не встречается.*

⁴⁶ *Ибраһимов Г. Кызыл штык һәм кызыл каләм // Эшче. – 19.10.1920. – № 98. Здесь цит. по: Ибраһимов Г. Әсәрләр. Сигез томда. – Т. 6: Публицистика 1907–1932) / Ред. Р.Р. Гайнанов. – Казан, 1986. – 219 б.*

⁴⁷ Безнең юл. – 08.10.1918. – № 5.

⁴⁸ *Ибраһимов Г. Яңа мәдәният төзү юлында гыйльми-мәдәни коллективлар // Эшче. – 07.01.1921 – № 129. Здесь цит. по: Ибраһимов Г. Әсәрләр. Сигез томда. – Т. 6: Публицистика 1907–1932) / Ред. Р.Р. Гайнанов. – Казан, 1986. – 240 б. Издательство существовало как казанское отделение Центрального московского издательства уже с 22 июля 1919 г. (Шунда ук. – 536 б.).*

⁴⁹ Под названием «Безнең юл» журнал выходил до июня 1930 г. После того как он с июля этого года до конца 1932 г. издавался под названием «Атака», указав направление татарской литературе и культуре, с января 1933 до мая 1964 г. он выходил под бесхитрым названием «Совет әдәбияты», а с июня 1965 г. до настоящего времени журнал носит название «Казан утары».

⁵⁰ *Каишаф Г.* Нигез ташларын салганда // КУ. – 1971. – № 3. – 141 б. То, что тираж в 1000 или 1500 экземпляров был действительно очень мал, показывает сравнение с журналом «Ислам мәжәлләсе», издававшимся в Уфе с 1920 по 1927 г. Хотя религия и являлась «опиумом для народа», журнал ежемесячно выходил тиражом в 7000 экземпляров (Ибрагимов Г. Әсәрләр. Сигез томда. – Т. 6: Публицистика 1907–1932. – 394 б.).

⁵¹ *Ибрагимов Г.* Халыкны саташтырмагыз! // Ирек. – 05.07.1917 – №26. Здесь цит. по: Ибрагимов Г. Әсәрләр. Сигез томда. – Т. 6: Публицистика 1907–1932 / Ред. Р.Р. Гайнанов. – Казан, 1986. – 130 б. В примечании на с. 518 этот взгляд Г.Ибрагимова назван «ошибкой», от которой он все же очистил себя еще до Октябрьской революции.

⁵² Собрание в Москве было организовано местным культурным обществом «Ташкын». Торжественная речь юриста Шакира Мухаммедьярова называлась «Тукай кем?». В том же году она была опубликована в Москве.

⁵³ *Вәлиди Ж.* Габдулла Тукаев // Вақыт. – 06.04.1913. – № 1172.

⁵⁴ *Вәлиди Ж.* Татар шагыйрьләре // Вақыт. – 24.07.1913. – № 1257. Статья была продолжена в следующем номере. Критик, о котором здесь говорит Дж.Валиди, что видно и из названия его статьи, – это Галимджан Ибрагимов. См. также: Рәмиев С. Икенче апрель көне // Ил. – 02.04.1914. – № 23.

⁵⁵ *Вәлиди Ж.* Габдулла Тукаев // Вақыт. – 06.04.1913. – № 1172.

⁵⁶ *Вәлиди Ж.* Татар шагыйрьләре // Вақыт. – 24.07.1913. – № 1257. Выражение «мәзлум халык», приведенное в данной статье при описании именно этих лет, мне кажется, следует переводить как «простой народ». Буквальный его перевод «угнетенный народ» в позднейшем советском лексиконе был настолько насыщен классовой идеологией, что его нельзя применять для времени до Октябрьской революции, не объясняя, какой смысл в него вкладывается. См. также: Мөхәтдиния М. Габдулла Тукаев әдәбияты. Вафатына өч ел тулу мөнәсәбәте илә // Ан. – 20.04.1916. – № 7. – 104–106 б.

⁵⁷ *Вәлиди Ж.* Татар шагыйрьләре // Вақыт. – 24.07.1913. – № 1257; 25.07.1913. – № 1258.

⁵⁸ *Ибрагимов Г.* Татар шагыйрьләре. – Оренбург, 1913. – 85 б.

⁵⁹ *Шунда ук.* – 82–83 б. Словами «удовольствие и вкус» Г.Ибрагимов намекает на стихотворение Г.Тукая «Ләззәт вә тәм нәрсәдә?», написанное в 1907 г. Правда, в оригинале слова, переданные Ибрагимовым как «служение народу» (халыкка хезмәт), звучат как «служение нации» (милләткә хезмәт). Для Галимджана не было особой разницы: оба понятия не могли удовлетворить его тогдашние требования к литературе. Позднейшие советские критики, когда его взгляды 1913 г. определялись как «буржуазные», будто по иронии, восприняли эту сфальсифицированную Г.Ибрагимовым цитату и всегда приводили ее в качестве доказательства связи Тукая с народом, который к тому же воспринимался как «трудящиеся» – идеологическая категория, которая не существовала во время написания стихотворения.

⁶⁰ *Шунда ук.* – 85–86 б.

⁶¹ *Биккулов И.* Габдулла әфәнде Тукай // Сибиряк. – 07.04.1913. – № 96.

⁶² Это дата, названная в первой публикации (Шура. – 01.09.1911. – № 17).

⁶³ Галимджан здесь намекает на стихотворение «Шагыйрь» (Әл-ислах. – 17.03.1908. – № 23), в котором Тукай выразил безграничную веру в силу поэта. В последней строфе мы читаем следующие строки: «И с песнями я буду умирать, и не стану молчать, даже когда увижу Газраила».

⁶⁴ *Ибрагимов Г.* Татар шагыйрьләре. – Оренбург, 1913. – 102 б.

⁶⁵ Некоторые примеры: «Теләү бетә» (20 декабря 1909 г.), «Яратырга ярый» (1910 г.), «Мигъраж» (13 апреля 1910 г.), «Үкенеч» (1 июля 1910 г.), «Өмидсезлек» (22 ноября 1910 г.), «Тәләһһеф» (1 декабря 1910 г.), «Тәүбә вә истигъфар» (12 октября 1910 г.), «Вәсыятем» (?).

⁶⁶ 100 б. См. также: 72, 99, 101 б.; Бәкер К. Күнел жимешләре // Нур. – 15.04.1911. – № 230; Моради Я. Тукаев Уральскида. – Әстерхан, 1913. – 24 б.

⁶⁷ Стихотворение «Мигъраж» было опубликовано 13.04.1910 в газете «Йолдыз». Мне неизвестно, когда было написано стихотворение «Вәсыятем» и когда оно было впервые опубликовано. Газета «Тормыш», выходящая в Томске, опубликовала его в своей первой статье с сообщением о смерти Тукая (05.04.1913. – № 95). В 1971 г. оно также появилось на страницах журнала «Казан», издававшегося в Анкаре татарами-эмигрантами (№ 3. – 12 б.).

⁶⁸ *Вәлидов Ж.* Тукаев хакында берничә сүз. Вафатына бер ел ел булу мөнәсәбәте илә // Вақыт. – 02.04.1914. – № 1454.

⁶⁹ См., например: Ибраһимов Г. Татар шагыйрьләре. – Оренбург, 1913. – 61, 70, 76 б.

⁷⁰ Во многих стихах и статьях Тукай насмехался над Чыгтаем: «Мөгърух указ» (4 февраля 1910 г.), «Ник? Нигә?» (15 апреля 1910 г.), «Кеше – хайваннар» (15 мая 1910 г.), «Акыллы башлар» (1 июня 1910 г.). Чыгтай ответил на насмешки Тукая уже впоследствии в статье «Татар контриммигранты Казанлыга жавап» (Безнең юл. – 1925. – № 5. – 219–220 б.) и со своей стороны назвал Тукая «двуличным» и «пьяницей».

⁷¹ *Чыгтай.* Габдулла мәрхүм Тукай хакында хосусый ядкәр // Кояш. – 04.02.1914. № 377.

⁷² То, что выводы и требования, которые делались и предъявлялись к коренизации, прежде всего украинскими и грузинскими коммунистами, были намного шире, чем их понимал Сталин, проявилось в течение последующих 15 лет: никто из тех, кто возражал Сталину на партийном съезде и требовал больше национальных прав, не пережил «великой чистки» (1936–1938 гг.). См.: *Simon, Gerhard: Nationalism and Policy Toward the Nationalities in the Soviet Union. From Totalitarian Dictatorship to Post-Stalinist Society*, Boulder, San Francisco, Oxford 1991, S. 24. Ясное предупреждение о том, что с национально-коммунистическими «отклонениями» мириться не будут, Сталин сделал уже непосредственно после XII съезда партии, когда 4 мая 1923 г. в Москве был арестован Мирсаит Султангадиев, самый известный татарский представитель «мусульманских национальных коммунистов». Он был исключен из коммунистической партии и уволен со всех должностей. В конце 1928 г. он был арестован повторно и в 1929 г. с обвинением в националистическом уклоне сослан в трудовой лагерь на Соловецкие острова на Белом море. Там его следы теряются.

⁷³ *Beyrau, Dietrich. Intelligenz und Dissens. Die russischen Bildungsschichten in der Sowjetunion 1917–1985*, Göttingen 1993, S. 61.

⁷⁴ Татар матур әдәбияты библиографиясе (1917–1960) / Ред. Ә.Г.Кәримуллин. – Казан, 1964. – 7 б. В то время, как число литературных произведений на татарском языке после 1925 г. росло, их тираж в 1926–1927 гг. упал по сравнению с 1925 г.: 1926 г. – 39 книг, 175 000 экземпляров; 1927 г. – 66 книг, 210 000 экземпляров; 1928 г. – 86 книг, 290 000 экземпляров.

⁷⁵ См.: Ибраһимов Г. Татар әдәбияты (еллык хисап урынына) // Татарстан. – 10.01.1924. – № 7(919); Бурнаш Ф. Матбугат һәм әдәбият (еллык хисап урынына) // Безнең юл. – 1924. – № 3. – 106–120 б.

⁷⁶ Тривиальная коммерческая литература, которая получила сильный подъем у татар как следствие нэпа (см. о ней, например, упомянутые в предыдущей сноске статьи Г.Ибраһимова и Ф.Бурнаша), была запрещена в 1923 г. (*Beyrau, Dietrich. Intelligenz und Dissens. Die russischen Bildungsschichten in der Sowjetunion 1917–1985*, Göttingen 1993, S. 61).

⁷⁷ Безнең байрак. – 15.02.1924.

⁷⁸ Татарстан. – 10.02.1924. – № 26 (938); Торай Ш. [Салаватов]. Татар әдәбияты турында диспут // Кызыл Татарстан. – 05.06.1924. – № 110 (1022); КУ. – 1967. – № 9. – 101 б.

⁷⁹ *Толымбайский Г.* Сулф кемнәрдән тора? // Кызыл Татарстан. – 03.06.1924. – № 108(1020).

⁸⁰ Увлечение всем русским особенно у футуристов заходило так далеко, что они либо вообще отрицали существование татарской литературы или же относились к ней очень пренебрежительно (Толымбайский Г. Милли мәсәлә һәм әдәбият // Яңалиф. – 1932. – № 6/7. – 99–104).

⁸¹ О внешнем облике русских интеллектуалов, принадлежавших к различным литературным течениям см.: *Mierau, Fritz: Sergej Jessenin, Leipzig 1992, S. 167. Поведение*

и внешность многих молодых татарских интеллектуалов в середине 1920-х гг. были для татарской общественности, по меньшей мере, так же необычны, как и литература, которую они творили. И не в последнюю очередь из-за этого они описывались в многочисленных статьях того времени, которые я не упоминаю по отдельности. Но все же хочу упомянуть статью, вышедшую в ноябре 1928 г. в сатирическом журнале «Чаян» (с. 7). Она называлась «Шагыйрьләр турында шигыйрьләр», и ее автор под псевдонимом «Пэйгамбәр» дал короткие описания следующих молодых татарских литераторов (порядок автора сохранен): Шайхи Маннур, Кави Наджми, Хади Такташ, Гумар Тулумбайский, Нур Баян, Адель Кутуй, Демьян Фатхи, Тухфат Ченакай, Абрар Сагит, Айдар Асгат. См. также следующие воспоминания, в которых описываются личности, указанные в скобках: Минский Г. Замандашларым. – Казан, 1964 (Нур Баян . –59 б.; Сирин. – 59–60 б.; Хади Такташ – 60 б.); Шамов А. Бер кичәдә (истәлек) // КУ. – 1966. – № 1. – 3–14 б. (Гадель Кутуй, Фахри Асгат, Шамиль Усманов, Хади Такташ, Гумар Тулумбайский, Худжа Рафиков, Галимджан Ибрагимов, Фатых Сайфи-Казанлы, Абрый Сайфи, Фатых Амирхан); Бәширов Г. Уйланулар // КУ. – 1972. – №4. – 140–153 б. (Гумар Тулумбайский – 142–143 б.); Ишморат Р. Яшьлегемне сагынып // /Ред. Р.Нуруллина. – Казан, 1984. – 27–44 б. (Гумар Тулумбайский. – 32 б.); Еники Ә. Хәтердәге төеннәр // Гадель Кутуй турында истәлекләр. – 67–79 б. (Гадель Кутуй, Хади Такташ – 68 б.)

⁸² Mierau, Fritz: Sergej Jessenin, Leipzig 1992, S. 165–183; Pasternak, Boris: Über mich selbst, Frankfurt 1990, S. 27.

⁸³ *Толымбайский Г. Эдәби тәнкыйть, әдәби һөжүмнәр тирәсендә // Татарстан. – 15.11.1923. – № 217 (882).*

⁸⁴ *Рәимов С. Шагыйрьгә әдәби суд // Такташ турында истәлекләр / Ред. Н.Юзиев, Н.Садыйкова. – Казан, 1980. – 98 б. Сафар Раимов, скорее всего, опирался в такой оценке на рассказы современников. Поскольку он сам родился в 1907 г., то вряд ли мог сам принимать участие в «литературных судах».*

⁸⁵ Критик Ханаф Наум, например, так начал свою критику в адрес повести Г.Ибрагимова «Алмачуар»: «Я собираюсь проверить перо товарища Галимджана Ибрагимова при свете революционного марксистского прожектора и с помощью сильного микроскопа диалектики» (Наум Х. Татар әдәбиятында зөһәрле микроб //Татарстан. – 18.07.1923. – № 136 (801). Повесть «Алмачуар» была включена во второй том двухтомника прозы и поэзии, посвященного жертвам голода: Эдәби ярдәм мәжмүгасы. Икенче китап. – Казан, 1922. – 4–40 б.

⁸⁶ Подобный приговор прозвучал, например, 13 апреля 1924 г. на «литературном суде», организованном объединением «Сулф» над Фатхи Бурнашем (Мәжит Улы. Эдәби суд // Татарстан. – 16.04.1922. – № 75 (987).

⁸⁷ На суде, организованном «Сулф» над Хади Такташем 27 апреля 1924 г., обвинителям, например, не удалось убедить присутствующих в «вине» и «ошибках» Такташа. Он был оправдан (КУ. – 1967. – № 9. – 101 б.).

⁸⁸ Eichenbaum, Boris: Warten auf Literatur (1924), in: Die Erweckung des Wortes. Essays der russischen formalen Schule / Hrsg. Fritz Mierau, Leipzig 1987, S. 309–325.

⁸⁹ Так, по крайней мере, представлял положение дел Адель Кутуй в декабре 1934 г. (Такташ белән очрашулар // Такташ турында истәлекләр / Ред. Н.Юзиев, Н.Садыйкова. – Казан, 1980. – 169 б.

⁹⁰ Бөтен РСФСР төрек-татар халыкларының 1927 елы июньдә Казанда булган тел-әдәбият конференциясенен каралары // Мәгариф эшчесе, 1927. – № 6/7. – 6 б.

⁹¹ *Нигъмәти Г. Ун ел эчендә әдәбиятыбыз // Безнең юл. – 1927. – № 10. – 31 б.*

⁹² *Толымбайский Г. Матур әдәбият фронты. – Казан, 1926. – 17 б.*

⁹³ *Нигъмәти Г. Матур әдәбият тирәсендә // Безнең юл. – 1926. – № 11/12. – 30 б.*

⁹⁴ Weuga, Dietrich. Intelligenz und Dissens. Die russischen Bildungsschichten in der Sowjetunion 1917–1985, Göttingen 1993, S.58–59.

⁹⁵ *Гали Г. ТАПП төзелү уңае белән // Безнең юл. – 1928. – № 10. В конце статьи указана дата – 19 октября 1928 г. В этом номере журнала последние страницы, на которых расположена и данная статья, отпечатаны латинским шрифтом.*

⁹⁶ *Гали М. Татар совет язучылары оешмасында // Яңалиф. – 1930. – № 6 (Декабрь). – 69–70 б.*

⁹⁷ *Яңалиф, 1931. – № 5/6. – 139 б.*

⁹⁸ Mehnert, Klaus: Über die Russen heute. Was lesen sie, wie sind sie, Stuttgart 1983, S. 317.

⁹⁹ Татарстан. – 06.04.1923. – № 72 (737)

¹⁰⁰ Шамов А. Бер кичәдә (истәлек) // КУ. – 1966. – № 1. – 3 б.

¹⁰¹ Бурнаш Ф. Тукай хакында тәнкыйтьчеләр (Г.Тукай ижады турында бер мөләхәсә) // Безнең юл. – 1923. – № 8/9. – 8 б. См. также: Сәйфи-Казанлы Ф. Габдулла Тукай әсәрләренен ижтимагый һәм сәяси йөзе // Габдулла Тукай әсәрләре. Икенче том. – Казан, 1930. – VIII б.

¹⁰² Вәлиди Ж. Тукайның шагыйрьлеге // Мәгариф. – 1923. – № 3/4. – 5 б. Другим «восточником» являлся Наджип Думави. Уже в конце 1915 – начале 1916 гг. он вместе с Джамалетдином Валиди принял участие в оживленной дискуссии, развернувшейся на страницах татарской прессы, по вопросу, в каком направлении должна идти татарская культура для того, чтобы развиваться (Йолдыз. – 14.10.1915 и 22.10.1915; Вәлиди Ж. Шәрәктән – гарәбкә // Аң. – 1916. – № 2, 3, 4).

¹⁰³ Это понятие применяет русский литературовед Борис Эйхенбаум в своей статье 1924 г. (Eichenbaum, Boris: Warten auf Literatur, in: Die Erweckung des Wortes. Essays der russischen formalen Schule / Hrsg. Fritz Mierau, Leipzig 1987, S. 311.

¹⁰⁴ Мне неизвестно в данном случае, является ли «Нурсин» именем автора или же его псевдонимом. В соответствующей истории литературы и библиографических трудах нет упоминания о Нурсине.

¹⁰⁵ Сәгъди Г. Татар шагыйрьләре арасында Тукай (Үлчүенә ун ел тулу мөнәсәбәте белән) // Безнең юл. – 1923. – № 8/9. – 7 б. Г.Сагди не цитирует названные стихотворения полностью, а приводит лишь отдельные строфы. Первое и последнее стихотворение он не называет вообще, а третье упоминает под названием «Сагыну вакытлар».

¹⁰⁶ Сәйфи-Казанлы Ф. Габдулла Тукай әсәрләренен ижтимагый һәм сәяси йөзе // Габдулла Тукай әсәрләре. Икенче том. – Казан, 1930. – VIII б.

¹⁰⁷ Согласно мусульманским представлениям дьявол (ибليس) изначально был ангелом. После того как он единственный из ангелов ослушался повеления Бога встать на колени перед первым человеком Адамом, он был изгнан из рая и отправлен в ад (Коран. – Сура 7. – Стих 11–18).

¹⁰⁸ Тукай Г. Әсәрләр. – Т. 2. – 205 б.

¹⁰⁹ Тукай Г. Әсәрләр. – Т. 2. – 123 б.

¹¹⁰ Там же. – С.163.

¹¹¹ Цит. по: Сәгъди Г. Татар шагыйрьләре арасында Тукай (Үлчүенә ун ел тулу мөнәсәбәте белән) // Безнең юл. – 1923. – № 8/9. – 7 б.

¹¹² Тукай Г. Әсәрләр. – Т. 2. – 53 б.

¹¹³ Сәгъди Г. Татар шагыйрьләре арасында Тукай. – 7 б.

¹¹⁴ Тукай Г. Әсәрләр. – Т. 2. – 245 б.

¹¹⁵ Габдрахман Минский был одним из последних, кто открыто отстаивал такую точку зрения (Минский Г. Шагыйрь Тукай // Кызыл яшьләр. – 21.04.1928. – № 15 (299).

¹¹⁶ О времени до середины 1924 г. см.: Турай Ш. (Ш.Салаватов). Татар әдәбияты турында диспут // Кызыл Татарстан. – 05.06.1924. – № 110 (1022); Турай Ш. Матбугат һәм әдәбият турында докладлар // Кызыл Татарстан. – 09.06.1924. – № 112 (1024).

¹¹⁷ Бурнаш Ф. Тукай турында тәнкыйтьчеләр (Г.Тукай ижаты турында бер мөләхәсә) // Безнең юл. – 1923. – № 8/9. – 8–9 б. См. также: Сәгъидуллин М. Тукай һәм заман яки тел мәсьәләсе (Тукайның вафатына унбиш ел тулганда) // Безнең юл. – 1928. – № 3/4. – 17–19 б.

¹¹⁸ Цит. по: Нәҗми К. Әдәби агымнар һәм тәнкыйть // Безнең юл. – 1923. – № 12. – 36 б. К.Наджми приводит название вступительного слова Х.Такташа как «Ижадиятем турысында».

¹¹⁹ Сәйфи-Казанлы Ф. Ачыклык кирәк // Яңалиф. – 1920. – № 2. – 44–45 б. См. также: Seeman, Klaus-Dieter: Der Versuch einer proletarischen Kulturrevolution in Rußland 1917–1922, in: Jahrbücher für die Geschichte Osteuropas 9 (1961), S. 179–222; Siegel, Holger: Sowjetische Literaturtheorie (1917–1940). Von den historisch-materialistischen zur marxistisch-leninistischen Literaturtheorie, Stuttgart 1981, S. 37–43.

¹²⁰ Одна из последних известных мне статей, в которых со всей ясностью отвергаются важность и значение дореволюционной татарской литературы для советской

действительности, появилась в феврале 1927 г. (Вәли Х. Безнең матбугат ничек үсә (1925–1927) // Безнең юл. – 1927. – № 2. – 21–25 б.)

¹²¹ Габдулла Тукай шигырьләре (Татар вакытлы матбугатының 20 еллыгына багышлана) /Ред. Ф.Бурнаш. – Казан, 1926.

¹²² Например, так высказался в 1927 г. «ультралевоый» русский литературовед П.С.Коган о Сагита Рамиеве. Оригинал этой положительной оценки был мне не доступен, он процитирован в работе: Садретдинов Ш. Таң жырчысы // КУ. – 1980. – № 2. – 169 б.

¹²³ Из избылиа оскорблений, которые подавались под видом литературной критики практически сразу же после смерти этих личностей в татарской прессе, я хотел бы назвать только самые «выдающиеся» примеры: Сәгъди Г. Фатыых Әмирхан (Вафаты мөнәсәбәте белән) // Безнең юл. – 1926. – № 3. – 9–16 б.; Толымбайский Г. Фатыых Әмирхан ни өчен төшенкелеккә бирелде? // Безнең юл. – 1927. – № 2. – 24–25 б.; Такташ Н. Ул безнең өчен үле иде инде (Истәлек) // Яңалиф. – 1931. – № 12. – 62–63 б.; Сәгъди Г. Сәгъийт Рәмиев // Безнең юл. – 1926. – № 3. – 33–34 б.; Туфан Х. Яна шигырь техникасы турында (тезис, трактат) // Безнең юл. – 1928. – № 6/7. – 16–20 б. Но самая грубая оценка принадлежит Галимджану Нигмати, который в 1927 г. высказался, что смерть «освободила» (в кавычках!) Фатыха Амирхана, Дәрдменда и Сагита Рамиева от жизни и творчества в новой, советской системе (Нигъмәти Г. Ун ел эчендә әдәбиятыбыз // Безнең юл. – 1927. – № 10. – 28 б.)

¹²⁴ Пример положительной оценки: Бөдәйли М. Г.Тукай шигырьләре мәжмугасы // Кызыл Татарстан. – 25.08.1926. – № 191 (1654). Порицанием является статья Гумара Галиева: Галиев Г. Г.Тукай шигырьләре // Кызыл Татарстан. – 29.08.1926. – № 195 (1658).

¹²⁵ К сожалению, год издания в тексте не указан (Прим. переводчика).

¹²⁶ Этому последнему аспекту – единству и объединению различных национальностей или народов – совершенно объяснимо придавалось особое значение во время Второй мировой войны. С этого времени соответствующие строки из данного стихотворения Тукая постоянно цитировались, когда следовало доказать, что дружба и единство народов возникли не после образования СССР (хотя, понятно, они могли правильно процветать только под руководством коммунистической партии), а существовали издавна и всегда. Негативная оценка стихотворения «Олуг юбилей мөнәсәбәте белән халык өмитләре», постоянно дававшаяся в 20–начале 30-х годов, в 40-е годы оказалась ненужной в силу политических требований. Вместо этого теперь стихотворение «подтверждало», что и Тукай уже был пропагандистом социалистической дружбы народов. Такая новая интерпретация достигалась и через цитирование только отдельных строк из стихотворения, и через сокращение названия стихотворения до безобидного «Халык өмитләре». Об этой теме см. ниже в разделе «Национализм или интернационализм».

¹²⁷ Подразделение романтизма на различные формы проявления, позитивные и негативные, в татарской литературной критике 1920-х гг. еще не было полностью осуществлено. Несмотря на это, эти категории, установившиеся позднее, в 1950–60-е гг., были перенесены и на литературу первых десятилетий 20 в. Например, понятие «реакционный романтизм» – в негативном смысле, его представитель Дәрдменд (*Халим Г.* Татар совет әдәбияты тарихы өйрәнү тәҗрибәсеннән (Социалистик революциянен беренче елларындагы әдәби хәрәкәтнең кайбер мәсьәләләре) // СӘ. – 1955. – № 11. – 108 б.); «традиционный романтизм» – в негативном смысле, примеры не названы (*Галиева Р.* Уртақ қояшыбыз // КУ. – 1966. – № 4. – 90 б.); «прогрессивный романтизм» – частично в позитивном смысле, представители: Фатых Амирхан, Сагит Рамиев (*Халим Г.* Бәхәссез һәм бәхәсле хакыйкатһәр // КУ. – 1966. – № 4. – 76 б.); «прогрессивный романтизм» – в позитивном смысле, представители: Гафур Кулахметов, Габдулла Тукай, Шаехзада Бабич (*Халим Г.* Бәхәссез һәм бәхәсле хакыйкатһәр. – 77 б.); «романтизм Пролеткульта» – частично в позитивном смысле, примеры не названы (*Халим Г.* Романтизмны һәм реализмны яклап (Ижат методларының үзара мөнәсәбәтләренә карата) // КУ. – 1967. – № 8. – 108 б.). Такое же дифференцированное разделение советское литературоведение имело относительно реализма.

¹²⁸ *Сөгъди Г.* Татар шагыйрьләре арасында Тукай (Үлүенә ун ел тулу мөнәсәбәте белән) // Безнең юл. – 1923. – № 8/9. – 4 б.; *Мортазин С.* Иске мирастан файдалану мәсьәләсе // Кызыл Татарстан. – 08.12.1929. – № 280 (2650).

¹²⁹ Одним из первых такую точку зрения высказал В.М.Бахметьев, главный редактор русскоязычной газеты «Известия», выходившей в Казани, в предисловии к сборнику переводов стихов Тукая на русский язык «Узюльган умид – Разбитая надежда». Этот сборник появился в Казани в 1920 г., переводчиком являлся П.Радимов. Сборник получил название по одному из самых известных стихотворений Тукая, опубликованному 29 ноября 1909 г. в газете «Вақыт». Это высказывание В.М.Бахметьева цитировал Ахмет Гаффар (Гаффар Ә. Урыс матбугатында Тукай // Татарстан. – 15.04.1923. – № 77 (742). См. также: Сөгъди Г. Татар шагыйрьләре арасында Тукай. – 4 б.; Сөгъди Г. Татар әдәбияты тарихы (Дәрәслек-кулланма). – Казан, 1926. – 220–222 б.; Сөгъидуллин М. Тукай һәм заман яки тел мәсьәләсе (Тукайның вафатына унбиш ел тулганда) // Безнең юл. – 1928. – № 3/4. – 19 б.

¹³⁰ *Ибраһимов Г.* Татар шагыйрьләре. – Оренбург, 1913. – 70–76 б.

¹³¹ *Чыгтай Г.* Татар конртиммигранты Казанлыга жавап // Безнең юл. – 1925. – № 5. – 219 б.

¹³² *Сөгъди Г.* Татар әдәбияты тарихы (Дәрәслек-кулланма). – 220 б.

¹³³ *Enzensberger, Christian:* Literatur und Interesse. Eine politische Ästhetik mit zwei Beispielen aus der englischen Literatur. Zweite, fortbeschriebene Fassung, Frankfurt 1981, S. 16ß18.

¹³⁴ *Keler, Christoph:* Nekropolis Moskau: Im Heryen des Landes liegt ein heryloser Toter. Das Lenin-Mausoleum – Ein moderener Mythos, in: Neue Rundschau 105 (1994), S. 26–28.

¹³⁵ *Gill, Graeme:* Ideology and Systembuilding: the Experience under Lenin and Stalin, in: Ideology and Soviet Politics. Eds. Stephen White, Alex Pravda. London 1988, S. 70–72, 77; Pravda, Alex. Ideology and Policy Process, Ibid., S. 237.

¹³⁶ *Beyrau, Dietrich.* Intelligenz und Dissens. Die russischen Bildungsschichten in der Sowjetunion 1917–1985, Göttingen 1993, S. 67.

¹³⁷ *Lorenz, Richard.* Sozialgeschichte der Sowjetunion I, 1917–1945. Frankfurt 1981, S. 162–169.

¹³⁸ *Mace, James E.:* The Famine of 1932-1933: A Watershed in the History of Soviet Nationality Policy, in: Soviet Nationality Policies. Ruling Ethnic Groups in the USSR. Ed. Henry R. Huttenbach, London 1990, S. 182–183; *Kunjaew Stanislaw:* Mit den Etiketten fing alles an, in: Das Ende der Abstraktionen. Provokationen zur «Sovjetliteratur». Hrsg. Dagmar Kassek, Peter Rollberg. Leipzig 1991, S. 206–210.

¹³⁹ Первым нерусским партийным функционером высокого ранга, который был смещен с должности, арестован, а вскоре и расстрелян, был руководитель партийной организации Крыма Вели Ибрагимов. О положении крымских татар, узбеков, казахов, таджиков и татар см.: *Simon, Gerhard:* Nationalism and Policy Toward the Nationalities in the Soviet Union. From Totalitarian Dictatorship to Post-Stalinist Society, Boulder, San Francisco, Oxford 1991, S. 79–87; *Bennigsen, Alexandre; Enders Wimbush, S.:* Muslim National Communism in the Soviet Union. A Revolutionary Strategy for the Colonial World, Chicago, London 1979, S. 89–92; *Allworth, Edward:* Uzbek Literary Politics, London, The Hague, Paris 1964, S. 124. О последствиях этой политики в Татарстане см. более подробно в разделе «Национализм и интернационализм».

¹⁴⁰ Цит. по: *Garrard, John and Carol:* Inside the Soviet Writers Union, London, New York 1990, S. 29.

¹⁴¹ Одним из первых таких высших функционеров, напрямую вмешавшихся в литературную жизнь, был Н.Бухарин, который 2 января 1927 г. опубликовал в «Правде» «Злые заметки», направленные против так называемых крестьянских поэтов (*Kunjaew Stanislaw:* Mit den Etiketten fing alles an, in: Das Ende der Abstraktionen. Provokationen zur «Sovjetliteratur». Hrsg. Dagmar Kassek, Peter Rollberg. Leipzig 1991, S. 208f.). Эта статья положила начало целой цепочке срежиссированных кампаний, протянувшейся до конца 40-х годов (*Beyrau, Dietrich.* Intelligenz und Dissens. Die russischen Bildungsschichten in der Sowjetunion 1917–1985, Göttingen 1993, S. 84–85).

¹⁴² *Сутырин В.* О работе партии в области художественной литературы // На литературном посту. – 1928. – № 15. – С.15. Цит. по: Siegel, Holger: Sowjetische Literaturtheorie (1917–1940). Von den historisch-materialistischen zur marxistisch-leninistischen Literaturtheorie, Stuttgart 1981, S. 128.

¹⁴³ Цит. по: *Beyrau, Dietrich.* Intelligenz und Dissens. Die russischen Bildungsschichten in der Sowjetunion 1917–1985, S.95.

¹⁴⁴ Цит. по: Lorenz, Richard: Der Stalinismus und die sowjetischen Schriftsteller, in: Neue Rundschau 105 (1994), S. 81.

¹⁴⁵ *Beyrau, Dietrich.* Intelligenz und Dissens. Die russischen Bildungsschichten in der Sowjetunion 1917–1985, S. 44.

¹⁴⁶ Ibid. См. также: Woinowitsch, Wladimir: Ihr seid auf dem richtigen Weg, Genossen! München, Zürich 1986, S. 249f.

¹⁴⁷ Graf, Oskar Maria: Reise in die Sowjetunion 1934, Hamburg, Zürich 1992, S. 48.

¹⁴⁸ Garrard, John and Carol: Inside the Soviet Writers Union, London, New York 1990, S. 29.

¹⁴⁹ *Beyrau, Dietrich.* Intelligenz und Dissens. Die russischen Bildungsschichten in der Sowjetunion 1917–1985, S. 81.

¹⁵⁰ Graf, Oskar Maria: Reise in die Sowjetunion 1934, S. 49.

¹⁵¹ Цит. по: Die Erweckung des Wortes. Essays der russischen formalen Schule / Hrsg. Fritz Mierau, Leipzig 1987, S. 235.

¹⁵² *Гомәр Г.* ТАПП төзелү унае белән // Безнең юл. – 1928. – № 10. В конце статьи поставлена дата – 19.10. [19]28. В этом номере журнала последние и первые две страницы, на которых расположена и данная статья, отпечатаны на латинском шрифте.

¹⁵³ *Гали М.* Татар совет язучылары оешмасында // Яналиф. – 1930. – № 6. – 69–70 б.

¹⁵⁴ *Максум М.* Матур әдәбиятны эшчеләштерү турында // Эшче. – 09.09. 1928. – № 134 (1375); 15.09.1928. – № 136 (1377).

¹⁵⁵ К представленным авторам относились Г.Ильясов, М.Крымов, М.Маулиев, А.Шамов, Г.Галиев, А.Исхак, С.Кудаш, Г.Курчак, С.Батгал, Ш.Шахретдинов, М.Хай, Д.Юлтый и К.Усман. Другими «пролетарскими» авторами, оценивавшимися в это время положительно, были Г.Гумар, С.Муртазин, Н.Баян, Г.Галиев (Гальгаф), Г. Тулумбайский, Г.Ризван, Х.Каримов, А.Тагиров, Г.Хайри (Нигъмәти Г. Ун ел эчендә әдәбиятыбыз // Безнең юл. – 1927. – № 10. – 31 б.) См. также: *Кутуй Г.* «Безнең юл» (12-нче саны) // Кызыл Татарстан. – 22.01.1928. – № 19 (2082); *Максум М.* Матур әдәбиятны эшчеләштерү турында // Эшче. – 09.09. 1928. – № 134 (1375).

¹⁵⁶ Под названием «Атака» журнал издавался с июля 1930 до октября 1932 г. Журнал «Пролетариат сәнгате» выходил с 1931 г.

¹⁵⁷ Этим лозунгом была озаглавлена литературная страница газеты «Эшче» 10 июля 1929 г.

¹⁵⁸ *Нигъмәти Г.* Утыз беренче елга кәргәндә (Әдәбият һәм әдәби көчләр) // Яналиф. – 1931. – №1. – 35 б. Общее представление об основной идее Фриче получено мной частично и в виде цитат из книги: Siegel, Holger: Sowjetische Literaturtheorie (1917–1940). Von den historisch-materialistischen zur marxistisch-leninistischen Literaturtheorie, Stuttgart 1981, S. 58. Ср. с этим мысль писательницы Валерии Герасимовой, высказанную на первом съезде советских писателей в 1934 г.: «Художники старого времени пытались слить воедино положительную роль своего героя с его субъективными человеческими качествами. Но герои наших книг выступают как жалкие педанты, которым читатель должен верить на слово, что он где-нибудь сделал что-нибудь полезное» (цит. по: Graf, Oskar Maria: Reise in die Sowjetunion 1934, Hamburg, Zürich 1992, S. 52).

¹⁵⁹ Так заявлял Хасан Туфан в поэме «Аккордлар», опубликованной в 1932 г. Цит. по: Гайнетдинов М. Давылларда. Жилләрдә. Хәсән Туфанның тормыш һәм ижат сәхифәләре. – Казан, 1989. – 85 б.

¹⁶⁰ *Гөл Г.* Яңадан төзелү өчен! // Яналиф. – 1931. – №12. – 50 б. Магнитострой – это огромный промышленный комплекс, основанный в 1929 г. в Магнитогорске на Урале. Об его возникновении и его значении для советской экономики и идеологии в 30-е годы см.: Schlögel, Karl: Es werde Stadt!, in: Die Zeit. – 18.03.1994, Nr. 12, S. 57–58.

¹⁶¹ *Нигъмәти Г.* Утыз беренче елга кергәндә (Әдәбият һәм әдәби көчләр) // Яналиф. – 1931. – № 1. – 36 б. См. также: Максут М. Матур әдәбиятны эшчеләштерү турында // Эшче. – 09.09. 1928. – № 134 (1375); Яналиф консультациясе. Шигырь бүлөгәннән икенче серия // Яналиф. – 1931. – № 5/6. – 134–139 б.

¹⁶² Ш.Маннур ижатына ТАППның карашы. Кави иптәш Нәжми доклады буенча ТАПП правлениясе тарафыннан чыгарылган карары // Безнең юл. – 1929. – № 12. – 35 б.

¹⁶³ *Сәйфи-Казанлы Ф.* Сарайлар, ханнар, кенәзләр, морзалар шагыйре Фәтхи Борнаш // Матур әдәбиятта буржуаз милләтчелеге/ Ред. Ф. Сәйфи-Казанлы. – Казан, 1930. – 4 б.

¹⁶⁴ См. о подвергавших критике «старых», а также о «новых» писателях: Нигъмәти Г. Ун ел эчендә әдәбиятыбыз // Безнең юл. – 1927. – № 10. – 28–34 б.; Фәтхи Д. Габдулла Гариф улы Тукаев // Кызыл Татарстан. – 15.04.1928. – № 88 (2151); Нәжми К. Большевизм уты астында // Атака. – 1930. – № 4/5. – 1–8 б.

¹⁶⁵ Нападки на Галимджана Ибрагимова осуществлялись, прежде всего, на страницах газет «Яна авыл» и «Сабан-чүкеч» – обе они издавались не в Казани. Они цитировались и отвергались Галимджаном Нигмати (Нигъмәти Г. Иске мирастан файдалану кирәкме? // Кызыл Татарстан. – 16.02.1928. – № 40 (2103). Г.Нигмати использовал в качестве аргумента защиты тот факт, что Г.Ибрагимов занимается подготовкой к публикации 90-томного полного собрания сочинений Толстого.

¹⁶⁶ *Ибрагимов Г.* Әдәби программ турында // Атака. – 1931. – № 3. – 68 б. Сын бедного крестьянина и позднее образцовый пролетарский поэт Демьян Бедный (1883–1945) «привнес Ленина вместо любви и почета и восславил (...) в многочисленных стихах достижения советских людей в социалистическом строительстве. (...) своим собратьям по перу Демьян Бедный рекомендовал искать своих героев среди простых и скромных людей, строящих новую жизнь в постоянной учебе и творчестве» (Handbuch der Sowjetliteratur (1917–1965). Hrsg. Nadeshda Ludwig, s.l., s.a. О Демьяне Бедном в 1924 г. недвусмысленно высказался и Сергей Есенин в стихотворении «Стансы»: «Я вам не кенар! Я поэт! И не чета каким-то там Демьянам. Пускай бываю иногда я пьяным, зато в глазах моих прозрений дивных свет» (Цит. по: Mierau, Fritz: Sergej Jessenin, Leipzig 1992, S.372). Цензура не пропустила в печать упоминания Демьяна, но удивительным образом ничего не имела против, когда вместо этого Есенин употребил слово «дураки». (Ibid, S. 373).

¹⁶⁷ Исключены были, например, Исхак Хайруллин, Демьян Фатхи, Гази Кашшаф, Касым Хамзин и «Комиссаров». К предупрежденным (шелтә биру, каты кисәтү ясау) принадлежали Хади Такташ, Ахмет Исхаков, Вафин, Шиланов и Шапошников. См.: Әхмәтов Ә. ТАППны тазарту йомгаклары // Атака. – 1930. – № 8/9. – 1–3 б.; Нәжми К. Татар пролетариат әдәбиятында бөек борылыш башланды (Татарстан пролетариат язучылары оешмасында уздырылган тазарту унае белән) // Атака. – 1930. – № 8/9. – 4–9 б.

¹⁶⁸ *Мостафин Р., Даутов Р.* Репрессияләнгән татар язучылары // КУ. – 1992. – № 2. – 152–157 б.; № 3. – 182–188; № 4. – 175–183 б.

¹⁶⁹ Simon, Gerhard: Nationalism and Policy Toward the Nationalities in the Soviet Union. From Totalitarian Dictatorship to Post-Stalinist Society, Boulder, San Francisco, Oxford 1991, S. 195.

¹⁷⁰ Яналиф консультациясе. Шигырь бүлөгәннән икенче серия // Яналиф. – 1931. – № 5/6. – 139 б.

¹⁷¹ *Нигъмәти Г.* Ун ел эчендә әдәбиятыбыз // Безнең юл. – 1927. – № 10. – 28–34 б.

¹⁷² Хотя критика в адрес М.Гафури была очень умеренной, она все же имела место. См.: Сәйфи-Казанлы Ф. Г.Тукай әсәрләрендә пародия, сатира, ирония һәм юмор // Г.Тукай әсәрләре. – Т.3. – Казан, 1931. – XXX б.; Шуль ук. Октябрь революциясенә кадәр татар буржуаз әдәбияты // СӘ. – 1934. – № 7. – 121 б.

¹⁷³ Әлгасрел-жәдит. – 20.07.1906. – № 7. Соответствующие строки звучат так: «Не пожалеею, тысячу раз отдам свою мушиную душу на пути истины, потому что моя цель и мой путь полностью как у социалистов».

¹⁷⁴ *Сәйфи-Казанлы Ф.* Г.Тукай әсәрләрендә пародия, сатира, ирония һәм юмор. – XXX б. Ср. также высказывание Габдуллы Кариева, жившего с Тукаем в одной комнате в Уральске, которое подтверждает мнение Ф.Сайфи-Казанлы (Кәриев Г. Габдулла Тукаевның Уральскидагы тормышы // Мәктәп. – 1913. – № 4. – 104–105 б.).

¹⁷⁵ *Сәйфи-Казанлы Ф.* Г.Тукай әсәрләрендә пародия, сатира, ирония һәм юмор. – V б.

¹⁷⁶ *Сәйфи-Казанлы Ф.* Габдулла Тукай әсәрләренәң ижтимагый һәм сәяси йөзе // Габдулла Тукай әсәрләре. Икенче том. – Казан, 1930. – VIII б. В качестве критиков, представлявших эти различные мнения, здесь названы Галимджан Ибрагимов, Габдрахман Сагди, Фатхи Бурнаш, Джамалетдин Валиди и Габдулла Гисмати.

¹⁷⁷ Шунда ук. – XIX б.

¹⁷⁸ *Чыгтай Г.* Татар конртиммигранты Казанлыга жавап // Безнең юл. – 1925. – № 5. – 219 б.

¹⁷⁹ *Сәйфи-Казанлы Ф.* Габдулла Тукай әсәрләренәң ижтимагый һәм сәяси йөзе. – XXVIII б.

¹⁸⁰ Шунда ук. Стихотворение называется «Хөрмәтле Хөсәен ядкәре» и впервые было опубликовано в газете «Йолдыз» (15.04.1912. – № 817).

¹⁸¹ *Сәйфи-Казанлы Ф.* Г.Тукай әсәрләрендә пародия, сатира, ирония һәм юмор. – XXIX б. См. также: *Нигъмәти Г.* Шагыйрьнең тормыш һәм ижат юлы // СӘ. – 1936. – № 5. – 50 б.

¹⁸² Так высказался в статье «Тере Такташ» писатель и критик Гумар Тулумбайский в 1936 г., за три года до того, как он сам был обвинен в «левом уклоне» и приговорен к смерти (цит. по: Такташ турында истәлекләр / Ред. Н.Юзиев, Н.Садыкова. – Казан, 1980. – 134 б.). Примечание, сделанное издателями указанного сборника, ясно отмечает, что такая оценка Тукаея Г.Тулумбайским была неверной и объясняется «вульгарно-социологическим подходом, который широко распространен в литературе тех лет [т.е. в первой половине 1930-х гг.]».

¹⁸³ *Нигъмәти Г.* Шагыйрь Габдулла Тукай үлүгә унбиш ел тулды // Кызыл Татарстан. – 15.04.1928. – № 88(2151).

¹⁸⁴ *Магис* (Максут. М.). Сынган кылычлар һәм каргалар белән былбыллар турында // Безнең юл. – 1928. – № 5. – 21–22 б. Максут не указывает, откуда взята эта цитата из Нигмати (возможно, из статьи «Габдулла Тукаев (үлүенә ун ел тулу мөнәсәбәте белән) // Юлдаш. – 1923. – № 3(12). – 64–76 б.). Высказывание о том, что творчество Тукаея пронизано пессимизмом, Г.Нигмати повторял после 1928 г. не раз (Шагыйрь Габдулла Тукай үлүгә унбиш ел тулды // Кызыл Татарстан. – 15.04.1928. – № 88(2151); Әдәбият фәненең үсеш юлы нинди булырга тиеш // Яналиф. – 1930. – № 1. – 42–49 б.).

¹⁸⁵ См., например: *Ибраһимов Г.* Татар шагыйрьләре. – Оренбург, 1913. – 72, 99–101 б.; *Бәкер К.* Күңел жимешләре // Нур. – 15.04.1911. – № 230; *Моради Я.* Тукаев Уральскида. – Әстерхан, 1913. – 24 б.

¹⁸⁶ *Бурнаш Ф.* Тукай шигырьләренәң караш // Габдулла Тукай шигырьләре. Тукай тормышы һәм ижаты турында кереш сүз белән / Ред. Ф.Бурнаш. – Казан, 1926. – XLIV б.

¹⁸⁷ *Коган П.С.* Татар әдәбияты турында // Безнең юл. – 1927. – № 9. – 21 б.

¹⁸⁸ *Магис* (Максут М.) Сынган кылычлар һәм каргалар белән былбыллар турында // Безнең юл. – 1928. – №5. – 22 б.; *Сәйфи-Казанлы Ф.* Габдулла Тукай әсәрләренәң ижтимагый һәм сәяси йөзе. – I б.; *Сәйфи-Казанлы Ф.* Сарайлар, ханнар, кенәзләр, морзалар шагыйре Фәтхи Борнаш // Матур әдәбиятта буржуаз милләтчелегә/ Ред. Ф. Сәйфи-Казанлы. – Казан, 1930. – 4–37 б.; *Мортазин С.* Фәтхи Бурнаш кем шагыйре булып килде? // Атака. – 1931. – № 1. – 27–30 б.; *Абдуллин Г.* Татар совет әдәбиятының большевиклаштыру өчен! // СӘ. – 1933. – № 2/3. – 73 б. Фатхи Бурнаш отрекся от своих прежних «неверных» воззрений, и в конце 1933 – начале 1934 гг. он был реабилитирован (СӘ. – 1934. – № 1/2. – 90 б.) Однако такая смена курса смогла спасти его лишь на короткое время: в августе 1940 г. он был арестован как «контрреволюционер» и приговорен к 10 годам заключения в лагере. Поскольку он якобы продолжал и в заключении свою антисоветскую деятельность, 1 августа 1942 г. он был расстрелян (Мостафин Р., Даутов Р. Репрессияләнгән татар язучылары // КУ. – 1992. – № 2. – 155 б.).

¹⁸⁹ Siegel, Holger: Sowjetische Literaturtheorie (1917-1940). Von den historisch-materialistischen zur marxistisch-leninistischen Literaturtheorie, Stuttgart 1981, S. 128.

¹⁹⁰ Сборник татарской литературы. – М., 1930.

¹⁹¹ См.: *Альтов К.* «Сборник татарской литературы» турында // Яңалиф. – 1931. – № 8/9. – 92–93 б.; Бакиров Г. Татар балалар әдәбияты турында // Яңалиф. – 1932. – № 1/2. – 74 б.

¹⁹² Йолдыз. – 10.06.1913. – № 55.

¹⁹³ Эти высказывания Ф. Сайфи-Казанлы приводятся в воспоминаниях Афзала Шамова, также принимавшего участие в указанном мероприятии (Шамов А. Бер кичәдә (Истәлек) // КУ. – 1966. – №1. – 8 б.).

¹⁹⁴ *Гали Г. Г.* Тукай әсәрләре. 2-нче том. Яңалиф нәшрияты басмасы. 190 б. // Безнең юл. – 1930. – № 2. – 41 б. О ретроспективной оценке и рассмотрении «трансформации» Фатыха Сайфи-Казанлы см.: Байчура Ш. Инәсеннән жебенә кадәр... // КУ. – 1966. – № 7. – 132–134 б.

¹⁹⁵ Чаян. – 1929. – № 7. – 13 б. (автор заметки не указан).

¹⁹⁶ *Мостафин Р., Даутов Р.* Репрессияләнгән татар язучылары // КУ. – 1992. – № 4. – 177 б.

¹⁹⁷ *Сәйфи-Казанлы Ф.* Габдулла Тукай әсәрләренәң ижтимагый һәм сәясәт йөзе. – II б.

¹⁹⁸ *Тольмбайский Г.* Тукай һәм халык әдәбияты (Тукайның «Халык әдәбияты» һәм «Халык моннары» әсәре белән). – Казан, 1930. – 21 б.

¹⁹⁹ «В 1912 г. Тукай видел в своих друзьях класс капиталистов» (Сәйфи-Казанлы Ф. Г. Тукай әсәрләрендә пародия, сатира, ирония һәм юмор. – IV б.).

²⁰⁰ *Сәйфи-Казанлы Ф.* Габдулла Тукай әсәрләренәң ижтимагый һәм сәясәт йөзе. – II б.

²⁰¹ Одной из последних статей, написанных полностью в таком духе, была статья Галимджана Нигмати, опубликованная в середине 1936 г. В отличие от многих публикаций начала 30-х годов, в которых Тукай критиковался, она имела скромное и ничего не говорящее название «Шагырьнең тормыш һәм иҗат юлы» (Безнең юл. – 1936. – № 5. – 33–51 б.).

²⁰² *Тукай Г.* Сайланма әсәрләр / Ред. М.Жәлил. – Казан, 1938.

²⁰³ См., например: *Габдрахманов Ф. Г.* Тукай сайланма әсәрләренәң сүз башы турында // СӘ. – 1938. – № 4. – 77–80 б.; Исәнбәт Н. Тукай Казанда // Чаян. – 1938. – № 7/8. – 4–5 б. Статья в журнале «Чаян» вышла без упоминания имени автора. То, что она принадлежит перу Наки Исанбета, на мой взгляд, подтверждается примечанием, сделанным в собрании трудов Н.Исанбета (Исэнбәт Н. Сайланма әсәрләр. – Т.1.: Шигырьләр һәм поэмалар. – Казан, 1060. – 452 б.).

²⁰⁴ Поначалу Мусе Джалилю повезло... В отличие от многих «ультралевых» критиков, которые были «раскрыты» после 1936 г. как «националисты» или «левые уклонисты», осуждены на длительные сроки заключения или же расстреляны, его «ошибочная оценка» творчества Тукая не привела к негативным переменам в его карьере: в 1939 г. он был назначен ответственным секретарем бюро Союза писателей ТАССР. Но только с июня 1942 г., когда тяжелораненый Джалиль оказался в немецком плену, начался «героический этап его жизни» (Совет Татарстаны язучылары. Библиографик белешмә. / Ред. Р.Н.Даутов, Н.Б.Нуруллина – Казан, 1986. – 616 б.). 25 августа 1944 г. он был казнен в тюрьме Берлин-Плетцензее. За мужество, проявленное в плену, 2 февраля 1956 г. Президиум Верховного Совета СССР присвоил ему звание Героя Советского Союза. А стихи, написанные им в плену («Моабитская тетрадь»), одновременно были отмечены Ленинской премией.

²⁰⁵ Tillet, Lowell: The Great Friendship. Soviet Historians on the Non-Russian Nationalities, Chapel Hill 1969, S. 26f.

²⁰⁶ Beyrau, Dietrich. Intelligenz und Dissens. Die russischen Bildungsschichten in der Sowjetunion 1917–1985, Göttingen 1993, S.45–46.

²⁰⁷ Ср.: Groys, Boris: Gesamtkunstwerk Stalin. Die gespaltene Kultur in der Sowjetunion 1917–1985, München, Wien 1988, S. 54–55.

²⁰⁸ Dilger, Bernhard: Sowjetkultur und nationale Einzelkultur, in: Kulturpolitik der Sowjetunion / Hsrg. Oskar Anweiler, Karl-Heinz Ruffmann, Stuttgart 1973, S. 300–304.

²⁰⁹ Simon, Gerhard: Nationalism and Policy Toward the Nationalities in the Soviet Union. From Totalitarian Dictatorship to Post-Stalinist Society, Boulder, San Francisco, Oxford 1991, S.149.

²¹⁰ Szporluk, Roman: History and Russian Ethnocentrism, in: Ethnic Russia in the USSR. The Dilemma of Dominance / Ed. Edward Allworth, New York 1980, S. 44–45.

²¹¹ Simon, Gerhard: Nationalism and Policy Toward the Nationalities in the Soviet Union, S. 149.

²¹² Ibid., S.88, 150.

²¹³ Ibid., S. 149-150. Так выражалась тогдашняя русскоязычная пресса.

²¹⁴ Tillet, Lowell: The Great Friendship. Soviet Historians on the Non-Russian Nationalities, S. 60.

²¹⁵ Ermolaev, Herman: Portrayal of Nationalities in Soviet Russian Literature, in: The Search for Self-Definition in Russian Literature / Ed. Ewa M. Thompson, Houston 1990, S. 24.

Аннотация

Данная публикация – перевод одной из глав книги немецкого ученого-тюрколога Михаэля Фридериха «Габдулла Тукай – высокочтимый поэт на службе татарской нации и советского социализма», изданной в Висбадене в 1998 г. Автор поставил себе целью выяснить, как интерпретировались сам поэт и его творчество в разное время, как он «использовался» в разной политической и идеологической ситуации, как его творчество и личность фактически были поставлены на службу самым различным политическим воззрениям. При этом реально получалось так, что сам поэт как бы оставался на втором плане. Проанализировав многочисленные публикации ученых и журналистов, М.Фридерих сделал достаточно оригинальные наблюдения и выводы.

Ключевые слова: Тукай и мировая литература, Тукай и русская литература, мировоззрение Тукая, идеологическая интерпретация Тукая.

Summary

This publication represents the translation of the chapter from the book «Gabdoullah Tukay – highly honoured poet in service of the Tatar nation and Soviet socialism» by the German turkologist Michael Friederich which was published in Wiesbaden in 1998. The aim of the author was to find out how the poet and his creative activity were interpreted in different periods and used in political and ideological situations and finally how his creative activity and personality were put in service of various political views. However, it turned out that the poet was left in the background. Having analyzed numerous publications of scientists and journalists, Friderikh made original observations and conclusions.

Key words: Tukay and world literature, Tukay and Russian literature, Tukay's worldview, ideological interpretation of Tukay.